

История франков

Автор:

Григорий Турский

История франков

Григорий Турский

Труд Григория, епископа Турского, охватывает гигантский исторический пласт – от сотворения мира до уже современных автору событий VI века. Раннее западное Средневековье – крещение короля Хлодвига, завоевание Аквитании и Бургундии, возникновение и развитие Франкского государства, междоусобные раздоры между сыновьями короля Хлотаря – предстает перед нами полной драматизма эпохой. Историческое повествование перемежается забавными историями, ироническими пассажами, знаменитыми и неизвестными анекдотами, делая труд Григория Турского не только достоверным источником информации, но и интересной для чтения книгой.

Григорий Турский

История франков

Введение

Григорий Турский

Историк, которому было суждено войти в мир под именем Григория, XIX епископа Тура, родился 30 ноября 539 (или 538. – Ред.) года[1 - Григорий рассказывает, что родился в День святого Андрея. Он сообщает также о том, как мать пришла в Тур после его посвящения и была исцелена святым Мартином от мышечных болей, которые беспокоили ее тридцать четыре года, начиная со дня его рождения.] в городе Клермоне, который теперь называется Клермон-Ферран, главном городе провинции Овернь (от галльского племени арвернов). И по матери и по отцу он принадлежал к высшему галло-римскому сословию, представители которого истари служили католической церкви.

Биография Григория известна лишь фрагментарно. При крещении он был наречен Георгием Флорентием. Отец Григория умер, когда он был ребенком. Его мать переехала в Бургундию и поселилась в своем имении близ Каваллона. Когда Григорию исполнилось восемь, его отправили в Клермон, на воспитание в дом его дяди Галла, епископа этого города. После смерти Галла мальчик остался с его преемником Авитом.

Из Клермона он совершал частые и длительные визиты к своему двоюродному деду святому Ницетию, епископу Лиона, и кузену, святому Евфронию, епископу Турскому. Никто не удивился, что в 563 году, когда ему исполнилось всего двадцать пять, Григория посвятили в дьяконы. В 573 году, после кончины Евфрония, Григорий с одобрения короля Сигиберта был избран девятнадцатым епископом Тура. Григорий управлял Турским епископством вплоть до смерти, последовавшей в возрасте пятидесяти пяти лет 17 ноября 594 года.

Стать епископом в меровингской Галлии VI века означало взвалить на свои плечи огромную ответственность и получить огромную власть. Избранный епископом сохранял свои владения и должность вплоть до дня смерти. Правда, бывали и исключения. Достоверно известно, что Претекстат Руанский был убит в своем собственном соборе, обла давший большими политическими амбициями Эгидий Реймский был обвинен в измене и отправлен в изгнание, чудом избежав худшей участи, а Гунтар Турский предпочел выпить яд.

Правда, жизнь светского правителя была не слаще. Он мог погибнуть на поле боя или во время какой-либо стычки. В любой момент его могли сместить, отобрать земли и собственность, а затем замучить до смерти, не доказывая или вообще не выдвигая никаких обвинений.

Епископы были гарантами чистоты католической веры и защищали ее интересы в бесчисленных спорах с евреями, неверными, арианами и любыми другими сектантами, а иногда и от правителей своей собственной страны или обманщиков, которые объявляли себя воскресшим Христом. Именно поэтому в начале своей «Истории» Григорий подробно и четко излагает символ католической веры, а затем многократно полемизирует по теологическим вопросам.

Епископы оказались защитниками общественной морали и нередко становились образцами для подражания, ибо были единственными людьми, находившимися у власти, которые обладали хоть каким-то диалектическим мышлением, практиковавшими христианское милосердие и доброту.

Они отвечали за церковную утварь, гробницы и мощи святых[2 - Григорий приводит очаровательное описание самого себя и церковного служителя, обследующих с зажженной свечкой усыпальницы в церкви Святого Мартина.] и мучеников, за ремонт и поддержание в надлежащем порядке существовавших церквей, за организацию новых мест поклонения[3 - Предшественники Григория в Туре непрерывно строили: Евфроний выстроил четыре церкви, Бавдин две, Перпетуй семь. Если взять в качестве примера другой период, то окажется, что между 1050 и 1350 гг. только во Франции выстроили 80 соборов, 500 больших церквей и десятки тысяч сельских церквей.]. Они контролировали монастыри и женские обители в своей епархии. Сложность возложенных на их плечи проблем ярко видна в описании мятежа в обители Святой Радегунды в Пуатье.

Кроме того, епископ управлял огромной собственностью, многочисленными слугами и обширными возделываемыми землями. Право отлучать мирян от церкви внушало благоговейный страх. В Галлии во времена Григория было одиннадцать провинций, в каждой из которых был свой епископ и 118 викарных епископов.

Конечно, как у турецкого епископа, у Григория были свои особые обязанности. Он был митрополитом Ле-Мана, Рена, Анже, Нанта и четырех других епархий. Его собор сгорел в разрушительном пожаре, который опустошил Тур еще при его предшественнике Евфронии, и потребовалось семнадцать лет, чтобы восстановить его. Собор Святого Мартина была сожжен дотла священником Виллихаром, и, хотя многое уже было сделано в процессе реставрации, Григорию пришлось уделить значительное внимание его внутреннему убранству.

Тот факт, что святой Мартин был похоронен в Туре, сделал это место особо почитаемой святыней, и Григорию приходилось терпеть присутствие таких скрывавшихся от правосудия злодеев, как Гунтрамн Бозон, Мервей и Эберульф.

Церковные строения Григория постоянно осаждали посетители. Описание следов повозок, которые и сегодня виднеются в водах Красного моря, основаны на рассказах очевидцев. Изгнанный из Армении епископ Симон остановился у Григория и рассказал о церкви Сорока Девяти Мучеников и взятии Антиохии (Антиохию брали много раз. Здесь, видимо, о ее разрушении в 538 г. иранским шахом Хосровом I Ануширваном. – Ред.). Святой Аредий, аббат Лиможский, находился у Григория незадолго до смерти.

В течение двадцати одного года епископата Григория гражданская власть в Туре перешла от Сигиберта к Хильперiku, а затем вернулась к Сигиберту II; пока он был несовершеннолетним, управление осуществлялось Гунтрамном. И со всеми этими правителями Григорий сохранял доверительные отношения, а иногда поддерживал и дружеские связи. Так, об одном из своих предшественников, злополучном Гунтаре, он писал: «Человек мудрый и проницательный, будучи аббатом, он не раз становился дипломатическим посредником между франкскими правителями».

Вторую часть сказанного вполне можно отнести к самому Григорию Турскому: он находился вместе с королем Хильпериком при Ножан-сюр-Марн в 581 году, он был в городе Шалон-сюр-Сон в 587 году в качестве посла короля Хильдеберта II, когда отправился к королю Гунтрамну, чтобы отвести любые сомнения в отношении условий Договора в Андело. Позже он разрешил спор между Клотильдой и Базиной во время смуты в женской обители Святой Радегунды.

Несмотря на ограниченную площадь Галлии, Григорий много путешествовал, оставив описания разных мест (Отён, Кариньян, Шалон-сюр-Сон, Клермон, Кобленц, Дижон (?), Лион, Мец, Ножан-сюр-Марн, Орман, Париж, Пуатье, окрестности Реймса, Суасон, Вьен и др.), хотя только один раз покинул ее пределы, добравшись до Кобленца.

Примечательной оказалась и его внешность. Он был небольшого роста. Сохранился апокрифический рассказ о том, как он однажды посетил папу Григория I Великого в Риме, преклонился перед ним в знак подчинения, и когда поднялся, то увидел, что папа с недоумением изучает его, как бы собираясь

сказать: «Нас делает Господь, но не мы сами себя».

Рассказывают также, что он часто болел, поэтому приобрел привычку самому делать себе лекарства из настоев трав, пыли и мощей святых[4 - Известно, что в 573 г., всего за два месяца до своего посвящения, он серьезно заболел дизентерией и почти отчаялся, думая, что умрет. Тогда Григорий прибег к своему любимому лекарству, *potio de pulvere sepulchri*, изготовленному из настоя пыли, взятой с гробницы святого Мартина, и когда он его выпил, то тотчас поправился.]. В любом случае тот факт, что он постоянно болел, не является особенным, поскольку в то время в мире правили бубонная чума и дизентерия.

Невзрачный, болезненный, он обладал широким сердцем, отказавшись передать Гунтрамна Бозона заносчивому эмиссару Хильперика, или в одиночку осмелился вступить за епископа Претекстата на соборе в Париже, спорил с королем Хильпериком. Вместо того чтобы бежать из страны, как его к тому принуждали, он храбро защищался на совете по обвинению в том, что оклеветал королеву Фредегунду. Он также активно сопротивлялся попыткам сборщиков налогов обобрать жителей Тура.

Он гордился своими выдающимися родственниками, но только благодаря самому себе стал тем, кем он был. Как мы видели, Григорий Турский сыграл огромную роль в истории своего времени, но об этом он практически не пишет, и если ему приходится об этом говорить, то он делает это мимоходом и не придавая своей деятельности особого значения.

Фактически он открывает нам сложные события двух десятилетий, при этом всячески уходя от того, чтобы выделить свою собственную роль. Итог собственной разнообразной деятельности в Туре между 573 и 593 годами в изображении Григория Турского носит предельно обобщенный характер. Он перестроил собор и снова украсил церковь Святого Мартина, об этом Григорий просто не мог не написать, потому что все об этом знали и каждый камень кричал о его роли. Он все раскрыл, определил и сдул пыль, разместив в подходящих удобных позициях разнообразные сосуды, наполненные разложившимися останками.

Свободно описывая архитектурные достижения своих предшественников, Григорий делает вывод: «Во многих других местах в Туре и по соседству я освящал церкви и часовни, располагая в них мощи святых. Их было так много, что перечень занял бы целый лист». Григорий был вовсе не многословен, его

образование было поверхностным, и, возможно, описания, которые он с такой легкостью нам преподносит, основываются на том, что он всегда искал соответствующие цитаты, в первую очередь из Библии.

Григорий также обладал особым чувством справедливости, его характеристики множества людей и событий заполняют сцену, большинство из них достойны осуждения в том или ином виде, ведь, как человек своего времени, он был наделен предрассудками и мог ошибаться. «История франков» забрызгана кровью и гноем, в ней звучат крики замученных до смерти мужчин и женщин. Однако Григорий никогда не оспаривал столь эффективный способ получения признаний, подразумевающий выдачу сообщников и удовлетворявший кровавую жажду правителей.

Кроме того, Григорий был необычайно сострадательным человеком. Обычно часто цитируют следующий отрывок из его книги. В 580 году дизентерия снова опустошила Галлию.

Вот что пишет об этом Турский: «Эпидемия началась в августе месяце. Она прежде всего обрушилась на маленьких детей и оказалась для них фатальной: мы потеряли малышей, столь дорогих и сладостных нашему сердцу, которых мы холили у груди и качали на руках, которых кормили и вскармливали с такой заботой. Когда я пишу, я вытираю слезы и повторяю снова слова Иова: «Бог дал, Бог взял, чтобы ублажить Господа, нужно потерять. Славьте Господа, мир бесконечен».

И наконец, Григорий обладал весьма своеобразным чувством юмора. Снова и снова, заключая самые серьезные рассуждения, переворачивающие душу описания, он добавляет поразительные комментарии, часто саркастически насмехаясь над самим собой. Приведем только один пример.

Рассказав о деятельности обманщика, ложного целителя, называвшего себя Христом, он пишет: «Примерно в то время мне выдалась возможность самому съездить в Париж, меня разместили в церковном доме святой Юлиании, мученицы. Как раз на следующую ночь этот несчастный бежал из тюрьмы, с обвитыми вокруг тела цепями, и направился в церковь Святой Юлиании, где распростерся на каменном полу на том самом месте, где я обычно стоял.

В середине ночи я поднялся, чтобы произнести свои молитвы Господу, совершенно не ведая о том, что произошло. Этот человек настолько сильно смердел, подобно сточной канаве, что я просто не смог войти в церковь из-за этого запаха.

Один из младших священнослужителей осмелился выйти вперед, зажимая нос, и попытался его поднять, но не смог, потому что несчастный был совершенно пьян. Тогда вышли вперед четыре других священника, подняли его на руки и бросили в церковный коридор. Принесли воду, начисто отмыли каменный пол, потом разбросали приятно пахнущие травы, и тогда я, наконец, смог войти и совершить службу. Но даже мое пение не смогло разбудить пришельца».

Если вы пропустили это место или благоговейно сдержали усмешку, в следующем предложении Григорий специально переписывает для вас строки из Вергилия: «Когда дневной свет вернулся в мир и яркое солнце поднялось в небо» («Энеида»), я вернул человека епископу и попросил, чтобы тот простил его». Заметьте, Григорий просит о прощении, но не наказании. Итак, как бы ни были ужасны его времена, он оставался любящим человеком.

Семья Григория Турского:

Время Григория Турского

«История франков» буквально переполнена именами королей и королев. Как он сам объясняет, его личное повествование, возможно, начинается с убийства короля Сигиберта в 575 году, вскоре после его собственного посвящения. Этому событию посвящены книги с V по X. Поскольку Григорий придает такое большое значение событиям прошлого, нам самим не остается сделать ничего другого, как следовать за ним.

Короли династии Меровингов правили Галлией с начала V века вплоть до 751 года, хотя последние сто лет или более их правления оказались временем постепенного заката и подчинения Меровингов майордомам, которым в лице Каролингов и было суждено со временем сменить эту династию.

Григорий бегло упоминает Хлогиона, или Клодио, полулегендарного основателя рода, равно как и умершего в 456 году его преемника и предполагаемого сына Меровея, в честь которого династия и получила свое название. Только две главы посвящены правлению третьего короля из династии Меровингов Хильдерика, умершего в 481 году.

Как и следовало ожидать, Григорий уделяет особое внимание Хлодвигу, который своими победами над последними представителями римской власти и затем над алеманнами, бургундами и вестготами объединил большинство галлов под властью салических франков.

Хлодвиг разбил последнего наместника Римской Галлии Сиагрия при Суасоне в 486 году (а затем казнил, после того как Сиагрий был выдан франкам королем вестготов Аларихом II), женился на бургундской принцессе Клотильде, в 496 году она уговорила его креститься по ортодоксальному (православному) обряду. В 507 году Хлодвиг разбил вестготов при Вуйе (близ Пуатье) и убил их короля Алариха II, а в 511 году, на тридцатом году своего правления, умер в Париже и был похоронен в основанной им церкви Святых Апостолов, впоследствии получившей имя Святой Женевиевы.

Хлодвиг оставил четырех сыновей: Теодориха, ребенка от наложницы, и Хлодомера, Хильдеберта I и Хлотаря I от Клотильды. Их бесконечные ссоры, войны в Бургундии, Септимании и Испании, рассказ о том, как при поддержке Хильдеберта Хлотарь убил детей Хлодомера и затем уничтожил собственного мятежного сына Храмна, описаны бегло, но выпуклыми деталями в книгах III и IV.

Хлотарь I умер в 561 году. Все его братья не пережили его. Он оставил четырех сыновей, трое из них – Хариберт, Гунтрамн и Сигиберт – были детьми Ингунды, его второй жены, а Хильперик – единственным ребенком третьей жены, Арегунды. Франкская Галлия, которую Хлотарь, подобно Хлодвигу, объединил при своем правлении, теперь снова была разделена между четырьмя братьями на четыре части со столицами Париж, Орлеан, Реймс и Суасон.

Время их правления, вплоть до смерти Хариберта в 567 году, схематично описано в первой половине книги IV. После смерти старшего брата состоялся новый передел королевства. Он произошел с 567 до 575 года, когда Сигиберт был убит в королевском поместье Витри, находившемся между Дуэ и Аррасом.

В это время Григорию исполнилось тридцать шесть лет. Будучи современником многих событий, он оставил их описания, хотя сам не принимал в них участия. Начиная с 575 года его манера письма меняется, он начинает писать с большим достоинством, проявляя личную осведомленность в описываемом, поскольку занимает видное место епископа Турского.

После убийства Сигиберта Хильперик прожил еще девять лет. События этого периода достаточно подробно описаны в книгах V и VI. У Хильперика было три жены: Авдовера, которая была заключена в женскую обитель и позже убита Фредегундой, Галсвинта, сестра Брунгильды, супруги Сигиберта, которую Хильперик задушил с помощью гарроты. И сама почтенная Фредегунда, мирно почившая в своей постели в 597 году.

Старший сын Хильперика Теодеберт (Теодоберт) пал на поле битвы, Хильперик вынудил непокорного Меровея убить себя, Хлодвиг, третий сын Авдоверы, был убит Фредегундой, дочь Хильперика Клотильда возглавила восстание в обители Святой Радегунды в Пуатье. Ригунта, дочь Хильперика от Фредегунды, отправилась в Испанию, чтобы выйти замуж за Реккареда, сына короля вестготов, но добралась лишь до Тулузы, где узнала о смерти своего отца. Претерпев множество превратностей, она вернулась домой к своей матери-вдове, с которой и прожила в постоянных стычках.

В 584 году Хильперика убили в королевском поместье Шель. «Однажды, когда он в сумерках возвращался с охоты, один слуга сбросил его с лошади, а другой два раза ударил его ножом. Кровь тотчас хлынула изо рта и открытой раны, так наступил конец этого безнравственного человека».

После смерти Хильперика остался Гунтрамн, единственный выживший сын Хлотаря I. Сигиберту наследовал его сын Хильдеберт II, которому в 575 году было пять лет. Наследником Хильперика стал Хлотарь II, единственный сын Фредегунды, которому исполнилось четыре месяца. Задолго до этих событий Гунтрамн потерял всех своих четырех сыновей. Его вторая жена Маркатруда убила его единственного сына Гундобада, а затем потеряла своего собственного сына. Двое детей Острехильды, Хлотарь и Хлодомер, умерли от дизентерии в

577 году. Поэтому Гунтрамн с 584 года выступал как великодушный дядюшка Хильдеберта II, которого он называл своим приемным сыном.

Более подробные трактовки даются в книгах VII—X «Истории», охватывающих 584—591 годы. Сорок из 168 глав посвящены церковным делам. Хотя в других главах говорится о непрерывных восстаниях знати, оспаривавшей власть короля. Говорится также о постоянной враждебности бретонцев, приводившей к постоянным конфликтам. Их подавление сопровождалось ужасным кровопролитием и убийствами. Тогда Хильдеберт II был еще ребенком, но за его спиной стояла его мать, королева Брунгильда, ненавидевшая королеву Фредегунду. Когда же Хильперик наконец достиг поры зрелости, его отношения с дядей определялись Договором в Андело от 587 года.

История франков представляет собой непрерывный ряд епископов, аббатов и других выдающихся деятелей церкви. Григорий вначале рассказывает о них без какой-либо системы – то, что ему доводилось слышать или узнать из источников. Затем Григорий снова возвращается к теме, проводит систематизацию и добавляет шестьдесят восемь глав, большинство из которых повествуют о священнослужителях, а в книге X помещает краткую характеристику деятельности восемнадцати епископов Тура, предшествовавших ему.

Под королями и королевами, высшей знатью (некоторые из них располагаются рядом с правителями и князьями церкви) находятся простые люди.

Передвигавшиеся по стране армии стремились не столько вступить в бой с врагом, но ограбить и захватить добычу. Великие разрушительные пожары полыхали в Мере за Блуа, в Пуатье, в Париже и в самом Туре. Часто случались наводнения, голод и эпидемии, когда человек начинал чувствовать себя беспомощной песчинкой. Из засад нападали убийцы, большинство из них, как пишет Григорий, оказывались эмиссарами королевы Фредегунды.

Междоусобицы вспыхивали между целыми городами, мужчины Орлеана и Блуа объединялись, чтобы грабить Шартр и Шатодён. Внутри городов происходили жестокие стычки между относительно состоятельными людьми, в Туре Сихар напал на Австригизела и убил Уно. Его сын попытался отомстить Сихару, затем эти двое стали друзьями, но в конце Храмнезинд почувствовал зов крови, убил Сихара и повесил его обнаженное тело на своей садовой изгороди.

Практически ничего Григорий не сообщает о действительно бедных людях, озабоченных в первую очередь тем, как расплатиться с налогами. Их ожидала весьма печальная судьба, их могли бросить в тюрьму, где приковывали к бревнам и оставляли гнить заживо.

Сочинения Григория

Многогранную деятельность Григория лучше всего отражает краткий перечень его трудов с небольшими комментариями от автора.

Для человека, который прожил всего лишь пятьдесят пять лет и который в последние двадцать один год своей жизни вел необычайно насыщенную жизнь, Григорий уделял много внимания литературному труду. Прощаясь со своим читателем в конце «Истории франков», он приводит список своих литературных сочинений: «Я, Григорий, написал эти десять книг «Истории», семь книг о Чудесах и одну жизнеописанием отцов. Я также составил книгу «Комментарии к Псалтири», написал книгу «О церковных должностях».

Полный список его трудов выглядит следующим образом:

1. «История франков в десяти книгах», переведенная в настоящем издании. У книги I имеется следующий заголовок: *Historiae Aeclestiasticae Liber Primus* и затем *Liber Historiarum Primus*. В заключении книги X называется *Liber Historiarum Decimus*. Без сомнения, дополнения сделаны переписчиком. Точные слова Григория следующие: «*decem libros Historiarum*», по которым книга и названа «Историей». Его заключительные рассуждения в книге X включают 591 год. В самом конце он ссылается на двадцать первый (год) своего правления, то есть 593—594 годы.
2. *Liber in Gloria Martyrum Beatorum*, книга в 106 главах. Последнее упоминание возвращает к Риму периода дьякона Григория Агиульфа 590 года.
3. *Liber de passione et virtutibus Sancti Juliani martyris*, книга в пятидесяти главах. Последняя отсылка относится к посвящению Григория 20 августа и его прибытию в Тур в качестве епископа 28 августа 573 года.

4. *De virtutibus beati Martini episcopi*. Книги I—IV. Последний отрывок посвящен празднику святого Мартина, происходившему 4 июля 593 года.
5. *Liber vitae Patrum*, одна книга, состоящая из 21 главы. Последнее упоминание также касается возвращения из Рима дьякона Григория Агиульфа в 590 году.
6. *Liber in gloria Confessorum*, одна книга в 110 главах. В третий раз встречаем упоминание о возвращении домой Агиульфа, «*mihi vir fidelis*» в 590 году. Разделы 2, 3, 4 и 6 в совокупности составляют семь книг о Чудесах, приписываемых Григорию благодаря абзацу, процитированному выше.
7. *Liber de miraculis beati Andreae apostolic* – одна книга в тридцати восьми коротких главах.
8. *Passio sanctorum Martyrum Septem Dormientium apud Ephesum*, книга в двенадцати очень коротких главах, переведена на латынь самим Григорием.
9. *De Cursu Stellarum ratio*, одна книга в сорока четырех очень коротких главах, содержит упоминание о комете, которую видели в Галлии перед убийством короля Сигиберта в 575 году.
10. *In Psalteri tractatum commentarius*, отсутствует только вступительная часть и заголовки глав.
11. Книга о Сидонии Аполлинарии (не сохранилась).

Все эти книги относятся к разным жанрам, относительно невелики по объему, каждая из них представляет собой законченное целое. На основании имеющихся сведений книгу о святом Юлиане (Иулиане) можно отнести к ранним работам, основная ее часть написана до посвящения Григория. Возможно, сказанное относится и к некоторым другим. И напротив, книги I, II, IV, V и VI представляют собой продолжающиеся своды, в которые, пока позволяло здоровье, Григорий добавлял новые главы. Все пять книг доведены до 590 года.

Замысел и жанр

В предисловии Григорий сокрушается о том, что в Галлии его времени «нет никого, кто мог бы написать книгу о том, что произошло сегодня».

В какой-то момент после своего посвящения в августе 573 года, осознавая груз возлагаемой на него ответственности, Григорий решил написать историю своего времени. Он продолжал работать над этой книгой вплоть до последнего года своей жизни, хотя повествование заканчивается 591 годом.

Григорий обладал умением мыслить в хронологической последовательности, поскольку в VI веке историк, описывающий современные ему события, должен был быть и историографом – то есть хронистом, регистратором, – который перечисляет в формате дневника происходившие при нем события, выбирая самое существенное и располагая материал в хронологическом порядке.

«История» Григория, без сомнения, больше чем хроника, поскольку в ней сильна повествовательная сторона, а самые значительные события выстраиваются в драматургической последовательности; Григория нельзя назвать неумелым рассказчиком, поскольку в формат хроники он то и дело вставляет собственные рассказы.

Постепенное многолетнее собирание материала и его последующая обработка в виде истории философского свойства, когда причина соответствует следствию, а части хорошо организованы и соразмерны, явно не соответствовало характеру Григория. Приняв такой метод, он, скорее всего, так и не смог бы завершить своего труда и умер бы окруженный записями.

Занимаемое им место епископа в Туре позволяло описывать практически все современные ему события глазами их непосредственного свидетеля. Однако текст «Истории» написан настолько гладко и последовательно, что даже исследователю трудно установить, где начинается рассказ о современных Григорию событиях. Своеобразным знаком служит завершение книги IV, которая заканчивается подробным расчетом лет от Сотворения мира до убийства Сигиберта.

Видимо, собственный рассказ Григория начинается с книги V, открывающейся страстным вступлением, за которым следует рассказ об убийстве Сигиберта в 575 году, а затем вплоть до книги X Григорий рассказывает о современных ему событиях.

Возможно также, что он заранее готовился к своему труду. В течение первых трех лет своего епископства он сделал наброски некоторых частей первых книг, постепенно выстраивая замысел всего труда в то же время, а позже не раз возвращался к своим первым годам. Вдохновленный хрониками Евсевия, святого Иеронима и Орозия, а также знанием Библии, Григорий, подобно своим предшественникам, начинает свой труд с дней Сотворения мира, затем говорит о Рождении Христа и, наконец, о последних событиях Нового Завета. Однако сюжет книги III не ограничивается указанными событиями. Он движется дальше, вплоть до смерти святого Мартина Турского, последовавшей в 397 году, и, в соответствии с оригинальными намерениями Григория, к тому времени, когда он закончил, он охватил в одной книге, состоящей из тридцати пяти глав, не менее чем 5596 лет мировой истории. Возможно, конечно, что книга I или большая часть ее была написана перед книгами V—X.

Третий этап, которому посвящены книги II, III и IV, связан с закрытием бреши, образовавшейся между смертью святого Мартина, последовавшей в 397 году, и убийством Сигиберта в 575 году. Видимо, Григорий работал над ними одновременно с написанием рассказа о современных событиях. В часы досуга, между написанием той и другой книги, он методически заканчивает первые четыре книги, переходя от времени Траяна к первым годам своего собственного епископства и легко совмещая эту работу с началом книги V.

Возможно, все происходило именно так. Опираясь на труды Евсевия и святого Иеронима, Григорий вполне мог довести повествование до 378 года, затем по труду Орозия изложить события начала V столетия, постепенно дополняя отдельные книги. Поэтому книги I—IV вполне могли быть написаны или продуманы до написания книг V—X.

То, что вначале кажется последовательным повествованием о более или менее современных событиях, то есть именно «Историей франков в десяти книгах», оказывается сложным текстовым единством, охватывающим период от Сотворения мира и грехопадения Адама до конца VI века н. э.

Необходимо сказать и о еще одном, четвертом уровне структуры этого труда. Начиная с 584 года Григорий возвращается назад и начинает вставлять главы, дополняющие предыдущие книги. Видимо, по мере оформления всего замысла Григорий увидел, что, как только завершилась библейская история, его «История» превратилась в описание основных мирских событий, произошедших в Галлии, и регистрацию святых, мучеников и епископов церкви.

Поняв, что о многом он пишет слишком скупо, а возможно, и используя материалы своих более ранних книг, *Liber in gloria Martyrum Beatorum*, *Liber vitae Patrum* и *Liber in gloria Confessorum*, Григорий начинает вводить новые материалы. Всего известно 68 введенных глав. В основном они посвящены священникам и делам церкви.

В 30-й главе книги X Григорий в свойственной ему увлекательной манере описывает все погодные явления, случившиеся в 591 году, последнем из описанных в его «Истории». Не говоря о благодатной солнечной погоде, он описывает только время бурь: «Сено сгнило от непрекращающихся дождей, реки вышли из берегов, наступил голод от недорода зерна, но зато урожай винограда был необычайно обильным.

Желуди выросли, но не успели». Именно на этом месте Григорий отложил перо.

Он, естественно, не мог знать, что не умрет в ближайшие три года, но, возможно, Григорий почувствовал себя тогда старым и немощным. Сделав последнее усилие воли, он снова взялся за перо, чтобы перечислить восемнадцать предшествовавших ему епископов Тура.

В отдельной части, представляющей собой нечто вроде приложения, он перечисляет их всех в хронологической последовательности, посвятив каждому один абзац, а затем добавляет соответствующий рассказ и о самом себе. Затем Григорий протягивает нам свой *Decem libros Historiarum*, умоляя в отрывке, который одновременно содержит самоуничижение и идет от сердца, не совершать насилия и теперь складывает перо в последний раз: «*quorum omnis summa est anni MMMMDCCXCII*».

Исторические и литературные предшественники

Большая часть книги I «Истории» представляет собой изложение Ветхого и Нового Заветов. В книге II Григорий упоминает трех хронистов – Евсевия, Иеронима и Орозия. Большая часть греческого текста «Хроник» Евсевия утрачена, и в любом случае Григорий не мог прочитать ее, но ряд отрывков приводится по латинскому переводу Иеронима и его же продолжению. В 4-й главе книги I Григорий замечает: «До сих пор по Иерониму, далее по труду священника Орозия». Однако фрагменты из его *Historiae adversum Paganos* («Истории против язычников») на самом деле немногочисленны.

В книге I Григорий ссылается также на апокрифическую книгу, известную как *Gesta Pilati* Сульпиция Севера, автора *Historiae Sacrae* («Священной истории»), и на Виктория Аквитанского, автора *Cursus Paschalis*. Встречается только одно предложение-цитата из *Passio Sancti Saturnini* («Страстей» святого Сатурнина), три главы частично основаны на *De viris illustribus* Иеронима. Большая часть одной главы взята из «Страстей» святого Иринея, умершего в 203 году, другая основывается на Житии святого Илария, умершего в 366 году.

Среди других источников отметим «Хождение святого Феодосия в Святую землю» и «Обретение Креста Господня».

В 8—9-й главах книги II Григорий приводит первые упоминания о франкских королях, для чего обращается к двум источникам, сегодня утраченным, *Historia* («Истории») Рената Фригерида и *Historia* («Истории») Сульпиция Александра, конца IV века, откуда приводит пространные цитаты. Более обширный материал он взял из труда Орозия. Григорий также ссылается на *Vita Sancti Aniani* (Житие святого Аниана), умершего в 453 году, на два послания Сидония Аполлинария (ок. 430—488) и «Послания и проповеди» святого Авита, умершего около 518 года. Он также приводит небольшую цитату из письма святого Евгения, умершего в 505 году. Другие детали собраны из *Passiones martyrum in Africa* («Страстей африканских мучеников»), *Vita Sancti Remigii episcopi Remensis* (Жития святого Ремигия), 437—533, *Vita Sancti Maxentii* (Жития святого Максентия), ок. 447—515.

В последних восьми книгах цитат гораздо меньше. Григорий однажды упоминает Евсевия, описывая, как у Ария выпали внутренности в уборной. Он приводит по одному предложению из Орозия и Сидония Аполлинария, называя его «нашим единственным». Говорит, что стихи короля Хильперика представляют собой подражание Седулию (425—450). В прощальном обращении

содержится пространный абзац, посвященный автору Satiricon («Сатирикона») V века Марциану Капелле. Утраченные письма Ферреола (ум. 581), епископа Оза, сравниваются с посланиями Сидания. Сульпиций Север, епископ Буржа, умерший в 591 году, упоминается как поэт. В одном абзаце упомянут Венанций Фортунат (ок. 530—600), который должен был стать епископом Пуатье.

Видимо, Венанций, Ферреол и Сульпиций были современниками Григория, но полное впечатление об их трудах на основании имеющихся скудных источников составить невозможно. Григорий несколько пытается изменить ситуацию. В книге II он уже цитировал вторую книгу «Энеиды». В последних восьми книгах он включил большие цитаты из Вергилия, процитировав его четыре раза. Григорий также дважды цитирует Саллюстия.

Необходимо также отметить, что в ряде случаев Григорий вставляет важные документы непосредственно в текст. Их всего семь, и все они находятся в книгах IX и X.

1. Письмо всем соседним епископам от святой Радегунды, когда она была занята устройством своего сестричества в Пуатье.
2. Ответ, посланный святой Радегунде семью епископами.
3. Текст договора, подписанного королем Гунтрамном и королем Хильдебертом II в Андело в 587 году.
4. Послание, с которым папа Григорий обратился к пораженным чумой жителям Рима как раз перед своим посвящением в 590 году.
5. Письмо с выражением сострадания и поддержки, посланное в 590 году епископу Бордо Гундегизилу десятью его друзьями-прелатами по поводу неудачного подавления смуты в женской обители Святой Радегунды в Пуатье.
6. О суде, проведенном в 590 году над аббатисой Левбоверой и двумя мятежными монахинями Клотильдой и Базиной лично самим Григорием, митрополитом Тура, Эбрегизилом, епископом Кельна, Гундегизилом, митрополитом Бордо, и другими епископами провинции Бордо.

7. Перечень постов и ночных служб, которые отправлялись в кафедральной и других церквах Тура.

Особое значение этих документов в том, что они сохранились только в «Истории франков». Сам Григорий непосредственно участвовал в текстах 3, 6 и 7. Вероятно, четвертое письмо доставил из Рима в 590 году дьякон Агиульф, устно или в виде рукописи на пергаменте. Три письма, касающиеся женской обители сестры Радегунды в Пуатье, возможно, были скопированы его собственными турскими капелланами.

Григорий получил скорее духовное, чем светское образование. Как мы уже видели, с восьми лет его обучал славный архидьякон Авит в Клермоне. Изучавшиеся мальчиком латинские тексты, псалмы, Евангелие, Деяния и Послания были более доступны, чем труды классических римских авторов. Скорее всего, в более поздние периоды своей жизни он практически ничего не делал, чтобы исправить пробелы в своем образовании, разве что читал «Энеиду». Приведенные в «Истории франков» несколько цитат вполне могли появиться вследствие воспоминаний о занятиях с Авитом. Поэтому столь незначительны остальные исторические и документальные сочинения Григория по сравнению с «Историей франков».

Осведомленность

Собирая информацию о событиях, которые произошли до вторжения Теодеберта в Италию в 539 году, Григорию приходилось обращаться к книжным источникам и устным рассказам. Вряд ли он начал изучать национальную историю до 563 года, когда в двадцать пять лет стал дьяконом. С другой стороны, как мы уже отметили, у него было много друзей и родственников, занимавших видное положение. Без сомнения, Григорий часто долго и детально беседовал о недавно случившемся с Авитом, своим дядей Ницетием и кузеном Евфронием.

Что же касается периода 538—563 годов и десяти лет, которые предшествовали его посвящению, произошедшему в 573 году, Григорий явно получил доступ к получению надежной информации, даже если сам играл незначительную роль или вообще не был участником описанных им событий, о которых рассказывает с 32-й главы книги III примерно до 57-й главы книги IV.

Очевидно, что в книгах V—X рассказывается о лично пережитых событиях. Детальный анализ происшествий, изложенных в них, в которых сам Григорий принимал участие, позволяет сделать соответствующие выводы. Он появляется как действующее лицо в 67 из 265 глав своих последних шести книг и в большинстве из них играет центральную роль.

В первый раз Григорий упоминает о себе, рассказывая о марше Рокколена на Тур и его враждебном сообщении: «Дальше Рокколен двинулся в Тур, получив соответствующий приказ от Хильперика. Он послал мне сообщение, требуя отлучить от церкви Гунтрамна, поскольку его обвиняют в том, что он убил Теодеберта. Если же я не выполню его приказания, он сожжет город и все его окрестности дотла».

С этого времени и в дальнейшем Григорий довольно часто принимает участие в тех событиях, которые он описывает. Многие из них имели национальное значение: прибытие Меровея в Тур в поисках убежища, совет в Париже, на котором допрашивали Претекстата, епископа Руана, визит Григория к королю Хильперiku в Ножан-сюр-Марн, время, которое он провел в Орлеане с королем Гунтрамном, визит в Кобленц с королем Хильдебертом II, пребывание в Меце с Хильдебертом, посольство к королю Гунтрамну в Шалон-сюр-Марн, суд над Клотильдой и Базиной, где Григорий являлся одним из судей, суд над Эгидием, епископом Реймса, проходивший в Меце.

После этого следует длинный ряд описаний местных происшествий в Туре: ограбление церкви Святого Мартина, разорение близлежащих окрестностей герцогом Берульфом, ссоры с Левдастом, отношения Григория с имевшим дурную репутацию графом Эберульфом, убийство еврея Арментария, скандалы между Сихаром, Австригизелом и Храмнезиндом в женской обители Ингитруды.

Наконец, следует перечень еще более мелких, но необычайно интересных происшествий, иногда рассмотренных чрезвычайно подробно, несмотря на их внешнюю незначительность. Среди них личные разногласия Григория с Феликсом, епископом Нантским, спор с королем Хильпериком о различии личностей, посещение Григорием похорон святой Радегунды и о бедном Вистримунде по прозвищу Таттон, мучившемся зубной болью.

Возможно, самым любопытным из всех этих личных воспоминаний считается описание суда над самим Григорием, обвиненным в очернении королевы

Фредегунды. Это одна из вставленных глав, поскольку в оригинальном тексте, отобранном самим Григорием, об этом событии нет никаких упоминаний.

Приведенные нами перечни можно свободно расширить, что является весомым доказательством того, что повествование в книгах V—X «Истории» принадлежит лично Григорию.

Достоверность описания

Ограниченный обстоятельствами, Григорий Турский все же создал поразительно точный отчет о событиях. Его значение как хроникера признавали все последующие деятели. В XVI веке Клод Фуше назвал его «отцом французской истории» и «самым древним и точным автором, писавшим о королях и правительствах Франции». В XIX столетии Ж.Ж. Ампер воспринимал Григория «как Геродота для варваров».

Григорий Турский оказался свидетелем большинства описанных им явлений. Время от времени он копировал оригинальные документы, подтверждая свою точку зрения. В «Истории» содержатся отсылки на огромное число книг, с которыми справлялся Григорий. Когда он собирал устные сведения, то добавлял слова *fertur, ferunt* – «так говорят», «рассказывают», показывая тем самым, что он передает мнение других. Когда же он не был в чем-то уверен, то писал и об этом.

Хотя собранные им данные иногда беспорядочны, все равно они позволяют определить направление и в конце концов служат пользе дела. Такова, скажем, попытка Григория впервые определить, когда же франкские вожди получили титул короля, для чего он приводит разные точки зрения, цитируя в соответствующих абзацах *in extenso*[5 - Обширно, обильно. (Примеч. пер.)] все те исследования, которые он просмотрел. Факт тем более примечательный, что Григорий приводит сведения из тех источников, которыми мы сегодня не располагаем, написанных авторами IV века, о которых нам нигде больше не удастся узнать.

Григорий стал одним из первых, кто оспаривает наивный довод, столь часто встречающийся сегодня: «это правда, потому что я читал о нем в такой-то и в

такой-то книге». Наконец, хотя Григорий писал с особыми поэтичностью и энергией, все же следует согласиться с мнением профессора Р.В. Саутерна, что «историк должен ставить перед собой цель удовлетворять и тех, кто испытывает потребность в эмоциональной и рациональной манере преподнесения материала, как будто он является романистом и поэтом». С другой стороны, Григорий редко прибегал к литературным изыскам, когда же совершает подобные литературные упражнения, то мы уверены в том, что он ироничен или просто забавляется, стремясь выразить истину несколько необычным образом.

Все сказанное свидетельствует в пользу особенностей построения его труда, и все же следуют некоторые не совсем благоприятные замечания. По своему происхождению Григорий был галльским римлянином, который писал историю франков, поэтому патриотически настроенные германцы обвинили его в том, что он был не верен Меровингам, преувеличивая их жестокость. Рассуждая так, вспоминаешь о напыщенном стиле его современника Венанция Фортуната или противоположном ему по тональности классически немногословном слоге Готфрида Монмутского.

Григорий считался ревностным священнослужителем, естественно, что он всегда рассматривал происходящее с позиции церкви, поэтому тот король, который регулярно отправлял церковные обряды, или граф, который предпринял особые усилия, чтобы защитить церковные строения и церковную собственность, естественно, питал надежду, что его достоинства были с готовностью перечислены в «Истории» Григория.

Как уже говорилось, Григорий, подобно другим средневековым авторам, приводит множество сочиненных им духовных бесед по разным поводам. Данный драматический прием весьма успешно использовался и английскими историками в конце XIX века.

Привычка Григория тщательно аргументировать сказанное обернулась явно чрезмерным увлечением малозначительными событиями, невольным свидетелем которых он являлся, в ущерб поворотным моментам истории его времени, о которых он сообщает мельком. Можно сказать, что он смотрел на мир из окон своего приходского дома в Туре и время от времени отбирал местные слухи. Все это верно, но не ставит под сомнение его умение оценивать описываемое и тщательно отбирать материал. Именно в этих, безыскусных и незамысловатых описаниях, которые он включил в состав своей исторической книги, и

содержатся крупницы драгоценной для нас информации о жизни обычных людей того времени, которую заслоняли образы князей и влиятельных людей. Данное качество сродни колористике живописца, создающего равновесие между разными цветами. После нескольких эпически-панорамных сцен, например обращения папы Григория к страдающим от чумы жителям Рима, мы с интересом читаем о мелких семейных проблемах Евлалия и Тетрадии.

Не обошлось в «Истории» и без фактических ошибок, которые с удовольствием смаковали историки XIX века. Григорий говорит, что Альбоин семь лет совершал набеги на Италию, а на самом деле речь идет о четырех годах. Как преемника Аптохара, или Аутари, короля англобардов, он упоминает некоего Павла, о котором никто не пишет, кроме него. Он заставляет императора Юстина править в течение восемнадцати лет, в то время как на самом деле тот правил только тринадцать, с 565-го по 578-й включительно.

Конечно, такие ошибки сказываются на суждениях о нем, поскольку историки не имеют права ошибаться в фактах, но учтем те трудности, с которым приходилось сталкиваться хронисту VI века, и все эти небольшие ошибки, немногочисленные и легкоустраняемые, покажутся допустимыми, и их можно простить.

Чем дальше мы перемещаемся во времени и пространстве из города Тура 573—591 годов, тем становится яснее, что Григорий, возможно, против своей воли вводил нас в заблуждение некоторыми сделанными им суждениями. Ведь для подтверждения даже основных событий, в которых он сам играл ведущую роль, не находится других современных ему источников, с помощью которых мы могли бы проверить его. Вот почему верно суждение, что «История франков», как отметил серьезный исследователь, является «un livre exceptionnel ou l'auteur lui-meme n'est pas le moins interessant des grands personnages qu'il met en scene».[6 - Исключительной книгой, где сам автор не менее интересен, чем те великие люди, которые появляются на сцене (фр.).]

Более откровенен в своем суждении О.М. Дальтон: «(Григорий) иногда утверждает то, что не отвечает истине, но это лишь потому, что он не знал правду или пользовался ненадежными источниками. Поэтому его никак нельзя обвинять в клевете или фальсификации».

Другие историки его времени

Единственным современным Григорию Турскому историком, равным ему по значению, можно считать Венанция Фортуната (ок. 530—600), которого Григорий называет «священником Фортунатом» и который после смерти Григория стал епископом Пуатье. Большинство его работ написаны стихами. Он родился близ Тревизо, учился в Равенне и прибыл в Галлию в 564 или 565 году, намереваясь посетить гробницу святого Мартина в Туре. Затем он поселился в Пуатье, где стал близким другом святой Радегунды и Агнесс, первой аббатисы женского монастыря.

Венанций Фортунат написал несколько прозаических жизнеописаний святых и стихотворное Житие святого Мартина в четырех книгах. Более всего он известен благодаря серии из одиннадцати поэм *Carmina*. В книге V помещено обращение Фортуната к жителям Тура в 573 году, где он поздравляет их с избранием Григория епископом.

В книге V приведено двенадцать его стихотворений, еще одиннадцать в книге VIII и одно в IX книге. Все они обращены к Григорию. В большинстве случаев Фортунат просто приветствует его или благодарит за подарки, которые получил. В других говорит о более серьезных проблемах: обращении в христианство епископом Авитом евреев в Клермоне, волнениях в женском монастыре в Пуатье. Поэмы восхитительны по слогу, но на самом деле не много добавляют к нашему знанию основных событий того времени.

В нескольких километрах от швейцарского города Фрибурга (Фрибура) жил Мариус, епископ Аваншский (ок. 530—594). Как и Фортунат, он оказался почти точным современником Григория. Мариус был автором «Хроники», которую добавили к переводу Иеронима и продолжению Евсевия, перечисляя имена и события с 455 по 581 год. «Хроника» Мариуса содержит ряд личных воспоминаний о том, что произошло в его время, но большая часть состоит только из перечня имен. Она была необычайно популярна и несколько раз издавалась, обычно используют *Monumenta Germaniae Historica series, Chronica Minora saeculorum*, издание осуществлял Теодор Моммзен (Берлин, 1894).

По стилю она лапидарна и язвительна, ее никак нельзя сравнить с «Историей» Григория, потому что в ней всего восемь страниц современным шрифтом. Существенное отличие заключается также в том, что она написана с позиций

бургундца.

Полагают, что Мариус составил свою «Хронику» в конце жизни. Как и Григорий, он был хорошо знаком с королем Гунтрамном, предполагают, что они могли встретиться на соборе в городе Шалон-сюр-Сон в 579 году. Правда, сам Григорий не говорит, что являлся свидетелем событий. В частности, он никогда не упоминает Мариуса. Совершенно очевидно, что Мариус при составлении своей «Хроники» использовал часть «Истории» Григория.

Иоанн, аббат Бикларского монастыря, расположенного неподалеку от Барселоны, умерший в 621 году, ортодоксальный христианин (правившие тогда в Испании вестготы были большей частью арианами. – Ред.), написал короткую «Хронику», в которой охватывается период 567—590 годов. В ней всего десять страниц современного печатного текста, поэтому этот труд, как и «Хронику» Мариуса, никак нельзя сопоставить с «Историей» Григория. Хроника Иоанна интересна тем, что в ней представлен не арианский взгляд, происшествия описаны с позиции вестготов[7 - Вестготы – представители западной ветви готов – германского племени, происходившего с о. Готланд, затем со II в. переселившегося в Северное Причерноморье, откуда после разгрома в 375 г. гуннами началась новая история готов, приведшая вестготов через победу при Адрианополе в 378 г. и захват в 410 г. Рима в Южную Галлию и Испанию. (Примеч. ред.)]. Иоанн из Биклара приводит краткое описание правления Леовигильда, короля вестготов в Испании, а также первых лет правления его сына Реккареда.

Так называемая хроника Фредегара, составленная из текстов трех анонимных авторов, написанных примерно в 613, 642 и 658 годах, представляет собой переложение отдельных частей «Истории» Григория и продолжает ее примерно на семьдесят лет. Полагают, что ее составили в Авене, поскольку события представлены с точки зрения обычного бургундца. Всего в ней четыре книги, и третья основывается преимущественно на «Истории» Григория.

Сочинение явно уступает «Истории франков», о чем говорят и сами авторы, подчеркивая, что среди историков Григорию нет равных.

Язык

Письменная речь Григория мало чем отличалась от устной. Его язык – повседневная латынь Галлии VI века, однако несколько облагороженная, поскольку использовалась воспитанным в образованной семье человеком, занимающим высокий пост местного епископа. Не сохранились свидетельства, что «Историю франков» он диктовал.

Если речь идет о первых книгах, то очевидно, что он сверялся со своими источниками и составлял собственный список событий, которые намеревался описать. В более поздних и более интересных частях «Истории», где речь идет о конкретных событиях, явно присутствует личный взгляд, поскольку Григорий принимал в них участие или собирал соответствующую информацию у очевидцев. Затем, когда позволяли обстоятельства, он добавлял новые страницы к постепенно разраставшейся рукописи. Несомненно, Григорий пользовался услугами личных секретарей, чтобы изготовить прекрасные копии.

Григорий был занятым человеком, и его записи иногда намного отставали от реальных событий, что видно, в частности, по таким пассажам: «Произошло много событий, как радостных, так и печальных». Не следует сравнивать его латинский с классическим языком Цезаря или Цицерона, но столь же несправедливо сопоставлять его и с латынью Эйнгарда (Эгингарда, ок. 770—840) или других авторов каролингского Возрождения. Григорий пользовался народным языком, с легкостью переходя от повседневной речи времен Августа к первым текстам, написанным на старом французском языке.

По лексическому составу его язык необычайно разнообразен, его синтаксис необычайно подвижен, морфология меняется от синтетической к аналитической структуре, которой было суждено стать двухрегистровой системой старого французского, где приставки и предлоги сменили старые склонения, точно так же, как местоимения поддержали обветшавшие глагольные окончания. Образно говоря, лингвист не скажет: вторичные или третичные признаки заменили первичные.

Действительно, по небрежности переписчиков некоторые рукописи Григория, оказавшиеся в нашем распоряжении, не совсем точны. Скажем, в книгах VII—X использовалась брюссельская рукопись. В первом разделе книги VII редактор счел нужным внести сорок восемь изменений в первоначальную рукопись. Выше я уже писал о степени знакомства Григория с его предшественниками и современниками. Григорий прекрасно знал Ветхий и Новый Заветы, так что в его

языке заметно влияние библейской латыни.

В «Истории» Григорий лишь однажды говорит о своем языке. «Возможно, моя латынь провинциальна, – пишет он, – но я едва ли мог промолчать о вещах, которые видел или о которых мне рассказывали сведущие люди». Подобные отсылки мы встречаем и в других сочинениях Григория.

Под провинциальностью Григорий понимал свою принадлежность к галльской провинции. Фактически он первым начинает жаловаться, если кто-то плохо говорит. Так, об обманщике из Бигора он пишет: «Он говорил на языке простолюдинов, его произношение невыразительно, он использовал грубые слова». О тех немногих случаях, когда Григорий отходил от своего родного языка и был вынужден прибегать к выхолощенной речи, он говорит как о неизбежном факте. Как мы увидим, Григорий иногда привлекает внимание к своим умеренным шуткам одной или двумя витиеватыми фразами.

Григория окружали франки, многие из которых, очевидно, говорили на своем собственном языке, предпочитая его латыни или вообще не зная ее. Правда, нет подтверждений того, что он сам мог говорить на франкском языке. Григорий никогда не упоминает греческий. Встречается только один поучительный отрывок о языках, использовавшихся в Орлеане, когда Гунтрамн вошел в город 4 июля 585 года.

«Огромная толпа горожан вышла встретить его, они несли флаги и знамена и пели песни в его честь. Речь сирийцев резко отличалась от галльских римлян и также от речи евреев, и каждый пел хвалу на своем собственном языке».

Единственный лингвистический комментарий Григория касается добавлений Хильперика к латинскому алфавиту. «Он добавил к нашему алфавиту несколько букв от греков: w, ae, the и wi, обозначив эти четыре буквы как ?, ?, Z, ?. Он отправил инструкции во все города своего царства, заявляя, что этим буквам следует научить мальчиков в школе и что книги, в которых использованы старые буквы, должны быть исправлены с помощью пемзы, а новые буквы вписаны».

Стиль

Григорий писал просто и не витиевато. В «Истории франков» мы встречаем всего лишь несколько разновидностей риторических фигур, метафор. Тщетно искать в ней особенные сравнения, удивляющие метафоры и любые другие многочисленные стилистические уловки, с помощью которых он хотел бы оживить свое пространное повествование. Григорий воспринимал слова конкретно, они помогали ему рассказать историю, фиксировали его рассуждения. И очень редко позволяли выразить чувства, поэтому здесь и не встречается пространных рассуждений, витиеватостей, льстивых речей – словом, никаких уловок, какие встречаем у писателей. Все просто и ясно, и слова не отгораживают от нас мысль автора.

Григорий выстраивает свои слова как солдат, причем не как на параде, а после долгого и продолжительного похода, и большинство их одеты в потрепанную форму защитного цвета. Как епископ, он должен был руководить огромными скоплениями людей, во время величественных и впечатляющих церемоний играть центральную роль, смело высказываться на публичных собраниях, показывая себя вершителем судеб и одновременно проявляя христианскую любовь, неся слова утешения в полночный час.

При этом нельзя говорить, что его язык однообразен и однотонен, он меняется в зависимости от авторской задачи, но верно и то, что автор не стремится к стилевым изыскам. Можно сказать, он их даже избегает. «Мой стиль не слишком утончен», – замечает Григорий в своем предисловии. Когда же приходит время завершить книгу, он повторяет сказанное: «Мне хорошо известно, что мой стиль в этих книгах вовсе не гладок. То, что я написал, может показаться вам грубоватым, но я прошу вас проявить ко мне снисхождение...»

Практически сразу в связи со стилем Григория можно высказать несколько соображений. Он будет цитировать Библию до тех пор, пока на вечернем небе не покажутся кольца Ангела, а тяжелодвигающиеся коровы не начнут перемещаться домой к вечерней дойке. Когда он в настроении, то использует один из старейших приемов, известных христианским апологетами, и выводит пространные этические и духовные рассуждения, уводя нас в сторону событий, которые происходили давным-давно, предпочитая времена Ветхого и Нового Заветов. Для него ковчег – это символ матери церкви, а наше земное существование похоже то на бурное, то на спокойное море. Сам же храм Христа находится внутри нас.

Ради красного словца Григорий охотно и постоянно перемещается из прошлого к современности. Кроме того (практически на каждой странице), он сообщает нам в возвышенной форме от первого лица, что никому еще не доводилось слышать об описанных им событиях и никто не удосужился о них написать. Большинство его сравнений просты. Хлодвига он сравнивает с Константином, Левдаст – гордый как павлин, Риккульф – гордый, как Симон волхв, Хильперик похож на Нерона в старости, да и сам он Нерон и Ирод нашего времени; священник возвращается к своему прелюбодейству, как «собака возвращается к своей блевотине».

Иногда Григорий бывает непредсказуемым и пишет, скажем, так: «Уровень реки поднялся высоко из-за заваливших реку трупов... франки пересекали по трупам реку, пользуясь ими как мостом». Люди бросались в реку в таком количестве, что «казалось, что множество пчел стремятся в улей». Самые удивительные сравнения связаны с знамением, которое ему довелось увидеть в небе над Кариньяном: «В центре небес ярко сверкало облако, и лучи сконцентрировались на нем, как будто перед нами был павильон с цветными полосками, расширявшимся книзу и уменьшавшимся кверху, встречаясь на вершине». Известно, что все публичные ораторы сильно отличаются друг от друга, об этом и пишет Григорий: «...казалось, что своими речами они преследовали ложную цель разрушения Истины». «Он, безгрешный, который так часто стремился освободить грешников», «враги, которые бродят вокруг наших границ, скорее испугаются, видя наше единство, так что нет причины радовать их нашей ссорой».

Григорий вовсе не избегает жестких описаний, хотя, возможно, их и не стоило бы давать так часто: «Редкий день не проходил без того, чтобы кого-нибудь не убивали, едва ли не каждую минуту кто-то оплакивал близких». Время от времени он сдержанно афористичен: «Любой, кто делает то, что он хочет, явно становится рабом своих желаний и в итоге не достигает ничего». Иногда Григорий цитирует пословицу: «Дай один и тот же добрый совет тому, кто любит вас, и тому, кто вас ненавидит, и ваш друг примет его, даже если ваш недруг с презрением отнесется к нему». Отметим и резкую смену интонации: Григорий быстро переходит от нежности к безжалостной иронии, переходящей в саркастическую усмешку.

Григорий Турский в большей степени фиксирует события, нежели рассказывает о них. Он мог аккуратно перечислять такие обыденные вещи, как рождения и смерти разных людей, говорить об их происхождении, ибо слыл аккуратным

человеком, и приведение сведений и дел в порядок доставляло ему удовольствие. Вместе с тем он с удовольствием рассказывает о том, как жители Пуатье и Тура соперничали за тело святого Мартина, как сразу после крещения умер первенец Клотильды и Хлодвига, или о том, как Фредегунда срубила три головы тремя топорами, которые просто свистели в унисон в воздухе, и тем самым покончила с взаимной враждой.

В другой раз он приводит яркое, хотя и краткое описание, целую картину, на которой показал множество двигающихся мужчин и женщин, и все они были изображены естественно, как у Питера Брейгеля в 1500-х годах, но вовсе не походили на экспрессивных героев Делакура: таковы рассказы об осаде Шатель-Марлака, неистовстве огня на улицах Парижа или о падении подвыпившего дьякона Теодульфа с городской стены Анже. Действительно, Григорий мог рассказать многое, хотя о своем времени он привел всего лишь несколько впечатляющих историй.

В целом же перед нами предстает одно огромное полотно, где Гунтрамн обсуждает с Хильдебертом условия договора в Андело, но Григорий о многом умалчивает: мы видим свиток пергамента, слышим статьи договора, но участники событий почти не показаны, так же как и обстоятельства подписания договора.

Григорий развертывает историю постепенно, эпизод за эпизодом. Вот интересное описание скандала в обители Радегунды в Пуатье. Сначала Григорий переносит нас в обитель, чтобы мы стали свидетелями трогательной смерти Дисциолы, рассказывает он и о видении одной из монахинь источника с живой водой. Прошли годы, умерла святая Радегунда, и Григорий отправился на ее похороны.

Потом умерла первая аббатиса Агнесс, ее сменила Левбовера. Затем начался великий бунт, и Григорий немедленно оказался в нем замешанным. История продолжается в книге IX, где помещено письмо святой Радегунды об основании обители, ответ епископов с одобрением и обещание поддержать ее, написанное семью епископами, наконец, письмо, в котором десятью епископами выражено сочувствие.

В последний раз к этому сюжету Григорий возвращается в книге X, приводя запись процесса между Клотильдой и Базиной. Таким образом, оно оказывается самым длинным и документально подкрепленным из всех описанных в

«Истории» событий, а переплетение столь разных моментов действительно делает его более динамичным.

Хотя Григорий и был епископом, при необходимости он мог подробно и удивительно точно описать вооружение и военные действия – скажем, описывая сцену осады Комена, когда Леодегизил принудил сдаться Гундовальда. В своих военных отступлениях Григорий сознательно использует разговорный стиль, чтобы передать язык солдатской массы. С другой стороны, авторская речь отличается более витиеватым слогом: «Когда Левдасту пришло время отправиться на службу, он получил работу на королевской кухне. Еще с юности у него были слабые глаза, и едкий дым был вреден для него. Поэтому вскоре его переместили из кухни к корзине пекаря». Левдаст был злейшим врагом Григория.

Свои изыскания Григорий проводил необычайно терпеливо, не допуская никаких редакторских комментариев, равно как и произвольного анализа, выстраивая его традиционно с помощью монолога, обращений к самому себе, диалогов, снов, воплощений наследственности и окружения, описывая реакцию на обстоятельства и затем суммируя все физические подробности.

Прекрасным примером подобного описания может послужить рассказ о короле Гунтрамне, которого мы теперь так ясно представляем, что в конце концов можем даже предугадать его реакцию в любых непредвиденных обстоятельствах. Фактически больше никто так подробно не описан. Встретив на улице Ригунту, Брунгильду или Фредегунду, мы не узнали бы их, даже если бы подошли к ним совсем близко, ведь Григорий не говорит ничего об их физическом облике, причёске или цвете глаз.

Посетив Барселону, Беллинцону или Карфаген, мы сможем описать эти города и их различный облик, но Григорий, который практически не был за пределами Галлии, вовсе не стремится даже упоминать о красотах других земель. «Все, что вы видите, принадлежит предателю Муммолу, – сказал Григорию Гунтрамн, когда они вместе пировали. – По милости Божьей они перешли ко мне. У меня было пятнадцать разных блюд из комплекта, который разбили, все такие же огромные, как и то, что вы видите перед собой. Я сохранил только эту тарелку вместе с еще одной, которая весит сто семьдесят фунтов».

Хотя Гунтрамн усиленно рекламирует свою посуду, Григорий остается глух к его намеку, и в его «Истории» мы не встречаем описания королевской тарелки.

Точно так же скажем и о том, что Григория окружали франки, однако в десяти книгах содержатся только два упоминания о языке франков, так что некоторые правовые термины приходится пояснять.

Григорий редко выражает свое отношение к описываемому, ограничиваясь ясным и четким описанием. Даже отвратительные сцены пыток, которые у чувствительного читателя вызывают тошноту, даны без авторских комментариев.

Юмор и ирония

Мне уже доводилось упоминать об особом чувстве юмора Григория. Казалось бы, в его рассказе о событиях, которые сами по себе настолько ужасны, не должно найтись места для смеха. Тем не менее мы временами смеемся, отдавая должное таланту автора.

В книгах I—IV не встречаются иронические пассажи. Книга V начинается с заголовка: «Здесь мне хотелось бы сказать, начиная книгу V, аминь». Наконец, перейдя в книге V к описанию событий собственной жизни, Григорий начинает чувствовать себя в своей тарелке.

Когда необузданный граф Рокколен выступил на Тур, чтобы потребовать изгнания из святилища Гунтрамна Бозона, его люди разобрали один из церковных домов и даже украли гвозди из деревянных частей строения. Господь и святая Мария поразили Рокколена желтухой, от которой тот и умер. «...Он заболел желтухой, – пишет Григорий, возможно ставший свидетелем всего этого, – его кожа приобрела шафранный оттенок».

В следующей главе Григорий констатирует, как обменивался письмами с Феликсом, епископом Нанта, которого Григорий явно недолюбливал. «Какая жалость, что вас не избрали епископом Марсея, – пишет он Феликсу. – Тогда вместо масла и других товаров вы бы, верно, получили папирус, получив больше возможностей писать клеветнические письма таким честным людям, как я».

В отличие от Нанта Марсель не является провинцией Тура. «Не буду больше говорить об этом, – добавляет Григорий, адресуясь на сей раз к своим читателям, – опасаясь, что вы можете подумать, что я во многом остался прежним».

Через некоторое время он сообщает, что Феликс умирает от бубонной чумы. В своей последней просьбе он закликает назначить своего племянника Бургундио, чтобы тот сменил его в качестве епископа Нанта. Завистники отправили неискующего молодого человека с письмом к Григорию, где спрашивали своего архиепископа, не сочтет ли тот возможным совершить путешествие в Нант, чтобы сделать Бургундио священником или, по крайней мере, дьяконом, а затем посвятить его.

Тогда Бургундио было всего двадцать пять, и он не обладал никакими явными талантами и не испытывал склонности стать священником. Поэтому Григорий дает ему отеческий совет. «В каноне установлено, мой дорогой мальчик, – говорит он, стараясь произносить слова очень медленно и внятно, – что никого нельзя посвящать в епископы, пока он не пройдет через различные ступени, положенные в церкви, как все. Тебе лучше отправиться обратно в Нант и найти поручителя, который может дать тебе tonsuru. Однажды ты почувствуешь, что достоин стать священником, и тогда отнесись со всей ответственностью ко всему тому, что церковь потребует от тебя. Когда Господь решит, что настало время переместить твоего дядю из епископства в лучший мир, тогда будет лучше всего, чтобы именно тебя возвели в епископы».

Григорий, конечно, с радостью увидел бы кончину Феликса, но, если бы даже епископу Нанта было суждено прожить до ста лет вместо его семидесяти, все же его епархия вряд ли бы сочла, что Бургундио достоин сменить его. В той же самой книге, в скрытой форме стремясь очернить Этерия, епископа Лизье, Григорий рассказывает, как распространили слух о том, что Этерий стал спать с женщиной. «Только дьявол мог внедрить в их голову мысль о том, чтобы нанести подобное оскорбление епископу, – раздраженно добавляет он, – поскольку ему тогда было почти семьдесят лет!»

Когда освободилось место епископа в епархии Авиньона, Хлотарь I предложил назначить на него аббата Домнола. Но аббат попросил короля «...не утверждать его, простого человека, обрекая на скуку выслушивать замысловатые доводы старых сенаторских семей или графов, проводящих все свое время в обсуждении философских проблем».

Позже Домнол не колеблясь принял епископат Ле-Мана. В связи с этим событием сохранился следующий анекдот. Ле-Ман находился в провинции неподалеку от Тура. Возможно, Домнол был известен как противник высших слоев общества, может быть, он совершал недружелюбные выпады по поводу того, что Григорий гордился своими предками-сенаторами. Вероятно также, что Григорий насмеялся над авиньонцами, имея в виду некоторые семьи или определенных придворных.

Лишь единожды Григорий позволяет себе прямо высказать свое отношение: когда аббата Букковальда выдвинули в качестве епископа Вердена, явно недолюбливавший его Григорий не смог удержаться от выпада и заметил: «Они обычно называли его гордецом и даже прозвали Настоящим Быком».

Большая часть книги IX посвящена попыткам Григория, которые он предпринимал в Шалоне вместе с неким Феликсом, убедить короля Гунтрамна, что король Хильдеберт принял условия договора Андело. Завершив свою миссию, они отправились вместе к мессе, где король пригласил Григория и Феликса отобедать вместе с ним.

У Григория был трудный день, но теперь он мог передохнуть. «Обилие блюд на столе только поддерживало царившее в нашей душе удовлетворение», – замечает он, стремясь прояснить нам, что стремится рассмешить нас. Король Гунтрамн находился в хорошем расположении духа. «Время от времени он смеялся, как будто сам радовался своим шуткам, – пишет Григорий и сухо добавляет: – Таким образом поддерживая нас в том, что мы разделяем его радость».

Затем король повернулся к товарищу Григория. «Скажи мне, Феликс, – сказал он, – правда ли то, что ты помог установить дружеские отношения между моей сестрой Брунгильдой и этим врагом Бога и человека Фредегундой». Феликс ответил, что это вовсе не так. Тогда я заговорил и сказал: «Королю не следует спрашивать о том, что «дружеские отношения», которые связывали их вместе в течение многих лет, продолжают поддерживать их обоих. Иначе говоря, можете быть совершенно уверенным в том, что ненависть, которую они так долго испытывают друг к другу, вовсе не уменьшается, остается такой же сильной, как и вначале».

В «Истории» Фредегунда выступает как разъяренная, злобная, сварливая баба. Между ее дочерью Ригунтой и вдовствующей королевой не было любви. «Она часто оскорбляла свою мать прилюдно, – пишет Григорий о принцессе, – и они часто обменивались ударами и пинками». Достаточно неприятна история о том, как Фредегунда попыталась убить свою дочь, прихлопнув ее крышкой от сундука с сокровищами, но Григорий умеет увидеть глубину чувств в столь незначительных повседневных проявлениях.

«Стремясь дотянуться и взять какие-то вещи, Ригунта протянула руки, но тут ее мать неожиданно опустила крышку ей на шею. Наклонившись, она надавила на нее всем телом, и край сундука так впился в горло девушки, что у нее глаза буквально вылезли на лоб. Присутствующая в комнате служанка громко заверещала: «Быстрее! Хозяйку душит ее мать». Григорий заключает главу ироническим осуждением: «С той поры ссоры между этими двумя участились. Основная причина заключалась в том, что Ригунта спала со всеми, кто хотел».

Прощальное обращение к читателю представляет собой смесь откровенно серьезного и достаточно плоского юмора. Григорий просит нас не уничтожать и не переписывать его «Историю», не разрешать публиковать из нее различные отрывки. После этого следует его обращение к Марциану Капелле и перечисление семи свободных искусств, грамматики, диалектики, риторики, геометрии, астрономии, арифметики и музыки, и вывод, что ни одно из них не отражено в «Истории», потому и не следует их там искать.

На это мы бы ответили так: зная, что все ваше обучение было предназначено для вашей последующей церковной деятельности, мы понимаем, что ваша карьера оказалась необычайно удачной. Но если нужны дополнительные доказательства, «История франков» убеждает нас в том, что мы должны восхищаться вашим совершенным латинским, а также великим искусством анализировать и организовывать достаточно сложный материал. Конечно, Григорий обзовет нас неисправимыми льстецами, но его скромность для многих была самоочевидной. Он продолжает, давая нам разрешение, если мы собирались это сделать, превратить его «Историю» в увлекательный роман.

При этом он вовсе не шутил. Фортунат отправил Григорию свои стихи *Vita Sancti Martini* вместе со стихотворной переделкой диалогов Сульпиция Севера. Затем он предложил переписать стихами *De virtutibus beati Martini episcopi* Григория. Эта часть прощального обращения, возможно, была адресована самому Фортунату, на что указывает обращение *sacerdos Dei, quicumque es* (один из

священников). Если это так, Фортунат не принял вызов!

Заметки о природе

Григорий слыл острым наблюдателем чудес природы. В десяти книгах он находит место для тридцати двух заметок о природе, хотя в большинстве из них описывает эпидемии и бури.

В первых шести рассказывается о годах его юности, необычайно суровой зиме 548 года, когда звезды двигались вокруг луны в 555 году, как бы подавая знак, что Теодебальд должен был вскоре умереть, о чуме в Оверни и Лимузене в 559 году, о вспышках света, предвещавших смерть Хлотаря I в 561 году, о сильном оползне, который случился в Тавредене в 563 году, перекрывшем течение Роны, разлившейся вплоть до Женевы, а также о комете, которая вызвала эпидемию в Оверни.

Григорий не был астрономом, но постоянно наблюдал за небом. В 578 году, будучи в Париже, он заметил в небе лучи света, которые предсказали смерть Меровея. Позже, в том же году, уже вернувшись в Тур, заметил круг (гало) вокруг луны, который затем превратился в эллипс. В то же самое время близ солнца появились метеоры.

В 582 году, когда снова появилась комета 563 года, раздался гром и сверкнули молнии, сильный свет разлился по небу, что вызвало наводнение в Париже и Санлисе, под влиянием кометы вспыхнула бубонная чума, бушевавшая в Нарбоне и повсеместно, позже в том году луна находилась в эллипсе, и яркий свет перемещался по небу.

В 583 году огненный шар упал неподалеку от Тура, огни сияли в северной части неба в 584 году, а позже в том году отмечались множественные кольца вокруг солнца. В 585 году сигнальные огни и огненные колонны предсказали смерть Гундовальда, позже в том же году снова видели яркие лучи в северной части неба.

Находясь в Кариньяне с Вульфолоаиком в 586 году, Григорий увидел на севере яркие лучи и кровавые облака, которые заставили его подумать о военном шатре, к концу года по небу проскользнул луч в форме змеи. В 587 году на севере снова видели яркие огни, и из облаков падали змеи, в 590 году яростные вспышки пересекали небо и снова вокруг солнца видели эллипс.

Все эти астрономические пророчества обычно сопровождались необычайно суровой погодой, которая, в свою очередь, вызывала то чуму, то дизентерию, то обе болезни вместе. Морские проливы высоко поднимались в 578 году, в 580-м наблюдались проливные дожди, реки выходили из берегов в 583 году, в 584 году были заморозки и град, сопровождавшиеся длительной засухой, в 585 году весна и лето оказались такими дождливыми, что казалось, летом было так же холодно, как зимой.

В 587 году сначала дожди лили как из ведра, затем раньше времени наступили морозы, на Пасху в 589 году случились еще более жестокие дожди и бури с градом, в 590 году постоянно дождило, и реки вышли из берегов. Столь ненастная погода уничтожила весь урожай. Волки бродили внутри стен Пуатье и Бордо, съедая любую собаку, которую встречали, саранча нанесла невероятный ущерб у города Толедо в Испании.

Наблюдалось еще более примечательное явление: на острове у города Ван (Бретань) пруд для рыб наполнился кровью, в 587 году «в домах ряда людей нашли сосуды с надписями неизвестными буквами, которые не могли стереть или соскоблить, как бы ни пытались это сделать».

Дожди часто делали путешествие невозможным. Ничто не могло оказаться более печальным, чем прибытие Клотильды и ее бунтующих сестер в приходский дом Григория в Туре: «Она и ее приятельницы монахини пришли пешком из Пуатье. Они были совершенно истощены и измучены, ибо не имели лошадей для езды. Во время путешествия никто не предложил им ни крошки. Они прибыли в наш город в первый день марта. Дождь лил потоками, и дороги по щиколотку утопали в воде».

Уничтожение урожая вызвало голод у крестьян: «В тот 585 год почти вся Галлия страдала от голода. Многие изготавливали хлеб из виноградных зерен или сережек орешника, другие сушили корни папоротника, толкли их в пыль и добавляли немного муки. Некоторые точно так же поступали с соломой зерновых, которую резали и использовали. У большинства же не было муки

вовсе, они собирали траву и ели ее, результатом являлись массовые отравления и смерти». Снова и снова вспыхивали дизентерия и бубонная чума.

Отмечались и более легкие испытания. Люди пересекали замерзшие реки как по земле. На бузине выращивали виноград вместо обычных черных ягод. Хохлатый жаворонок влетел в церковь в Клермоне и загасил все светильники. Розы цвели в январе. Армия Тиберия поймала двадцать слонов, Гундовальд использовал верблюдов как вьючных животных. Один из слуг Муммола был настоящим великаном, на два или три фута выше, чем обычный человек. По профессии он был плотником и умер молодым. Желуди не вызревали. Однако урожай винограда и производство вина были обильными.

Рукописи

В настоящее время известно двадцать восемь рукописей, содержащих значительную часть написанного Григорием, множество фрагментов его труда, а также палеотипическое издание 1512 года, выпущенное Жозефом Бадом без указания источников.

Составители первого сводного текста Анри Омон и Гастон Колон использовали несколько наиболее обширных рукописей.

1. MS. latin 17655 л. 2—96 (об.) (Национальная библиотека Франции (Париж)). Книги I—IV. Рукопись времени Меровингов, VII века, написана одной рукой. Рукопись принадлежала аббатству Святого Петра, находившемуся в Корбье, и отмечена там в двух каталогах XII века.

2. MS. 9403 (Королевская библиотека, Брюссель). Рукопись VIII—IX вв. Содержит текст с гл. 3 книги II до 29-й главы книги X. Написана четырьмя почерками: один – начало, второй – книги VII—VIII, третий – книга IX и четвертый – книга X. О ее первоначальной истории ничего не известно.

Омону и Колону пришлось дополнить свой текст по изданию, опубликованному в 1885 году У. Арндтом и Б. Крушем в серии *Monumenta Germaniae Historica*.

Взгляд на Григория сквозь столетия

В соответствии с *Vita Sancti Gregorii* («Жизнеописанием святого Григория») он был похоронен под одной из плит пола его собственного собора в Туре. В VII веке святой Оуэн, архиепископ Руана (640—683), выстроил богатую гробницу для останков Григория, за гробницей, которая принадлежала святому Мартину. Она была уничтожена норманнами в IX веке, но в начале XI века восстановлена Эрве де Бюзансе, казначеем собора. И снова полностью уничтожена гугенотами в 1562 году.

Как мы уже заметили, Мариус из Авена получил доступ по крайней мере к первым пяти книгам «Истории» перед смертью Григория, несколько авторов «Хроники Фредегара» использовали ее в VII веке. Имеющиеся в нашем распоряжении рукописи, возможно, относятся к третьему списку, датированному VII веком.

Относящееся к X веку «Жизнеописание святого Григория» приписывается некоему Одо, аббату из Ключи (ок. 879—942). Первое печатное издание «Истории» осуществил Жос в 1512 году. Ронсар приводит краткий перечень Меровингов, от Клодио (Хлогиона) до Дагоберта, в книге *IV La Franciade*, 1572 года, но цитирует его по вторичным источникам.

С другой стороны, Клод Фоме (1530—1601) восхищался Григорием, которого он называл «отцом нашей Истории», часто цитировал его в *Les Antiquitez Gauloises et Francoises* («Галльских и франкских древностях») 1579 года и *Les Origines des Chevaliers* («Происхождении дворянства») 1600 года. В XVII веке появился первый французский перевод «Истории», сделанный в 1610 году Клодом Боне, в 1668-м – аббатом Маролем.

Очевидно, что в XVIII веке с «Историей» познакомился Эдуард Гиббон, но практически не воспользовался ею, ибо не понял, насколько значительным источником событий, произошедших в Галлии в 575—591 годах, она является. В своей *Histoire des Français* («Истории французов», 1821—1844) Ж.С.Д. Симонд де Сисмонди занимает явно противоположную точку зрения, цитируя Григория почти на каждой странице книги, в которой идет речь о второй половине VI века, искренне восхищаясь им. В частности, описывая первых Меровингов, Сисмонди пишет: «Григорий Турский обладал редкими в его время эрудицией и

прилежанием».

Имя Григория много раз упоминается в девяти книгах «Италии и ее захватчиков» Томаса Ходжкина (1879—1899), но Ходжкин относится к Григорию критически: «Григорий Турский сообщил минимальное количество деталей» (книга II, 3), «Григорий Турский приводит некоторые факты явно дискуссионного свойства» (книга III, 4).

И тем не менее труд Григория Турского является для нас главным источником для представления об общей связи исторических событий в Центральной Европе VI в. Именно благодаря ему современный человек может зримо представить себе раннее западное Средневековье. По меткому замечанию Р. Латуша, без «Истории» Григория Турского вся история Франции этого периода представляла бы собой почти «белое пятно».[8 - Gregoire de Tours. Histoire des Francs / Trad. du latin par R. Latouche. P., 1963. T. 1. Introduc. P. 5.]

Л. Торп

Краткая библиография

Основные книги, написанные Григорием Турским:

1. *Historiae Francorum* («История франков»).
2. *Liber in Gloria Martyrum Beatorum* («Книга прославления мучеников»).
3. *Liber de passione et virtutibus Sancti Juliani martyris* («Жизнь и мученичество святого Юлиана»).
4. *De virtutibus beati Martini episcopi* («Житие преподобного Мартина, епископа»).
5. *Liber vitae Patrum* («Жизнь святых отцов»).
6. *Liber in Gloria Confessorum* («Книга прославления святой исповеди»).

7. Liber de miraculis beati Andreae apostoli («Книга чудес преподобного Андрея Апостола»).

8. Passio sanctorum Martyrum Septem Dormientium apud Ephesum («Страсть и успение святых мучеников эфесских»).

9. De Cursu Stellarum ratio («Рассуждение о путях звезд»). 10. In Psalterii tractatum commentarius («Комментарий к Псалтири»).

История франков

Предисловие Григория, епископа церкви в Туре

На моих глазах произошло множество событий, как хороших, так и дурных. Правители неистовствовали, а народы яростно сражались друг с другом. Еретики нападали на нашу церковь, а православные христиане не щадя сил защищали ее, во многих вера в Христа ярко горела, в других едва теплилась. Едва церковные здания одаривались, как тотчас снова опустошались безбожниками.

Однако еще ни один автор не оказался достаточно искусным, чтобы должным образом описать эти события в прозе или в стихах. Действительно, в городах Галлии сочинительство почти исчезло. Многие с сожалением говорили об этом, снова и снова повторяя свои жалобы. «Что же теперь за время! – говорили они. – Ибо угасло усердие к наукам и нет такого человека, который смог бы поведать о делах наших дней».

Постоянно слыша подобные речи и стремясь сохранить для потомков память о прошлом, я решился рассказать простыми словами и о распрях злодеев, и о житии праведников. Особенно же меня вдохновили не раз слышанные слова: «Большинство понимает не философствующего ратора, а простую беседу».

Для удобства летосчисления я положил Сотворение мира началом первой моей книги, перечень глав которой прилагаю.

Книга I

1. Об Адаме и Еве
2. О Каине и Авеле
3. О Енохе праведном
4. О потопе
5. О Хуше, создателе статуи
6. О Вавилонии
7. Об Аврааме и Нине
8. Об Исааке, Исаве, Иове и Иакове
9. Об Иосифе в Египте
10. О переходе через Чермное (Красное) море
11. Народ в пустыне и Иисус
12. О пленении народа израильского и о поколениях перед Давидом

13. О Соломоне и строительстве Храма
14. О разделении царства Израильского
15. О Вавилонском пленении
16. О Рождестве Христовом
17. О различных царствах и народах
18. О времени, когда был основан Лион
19. О дарах волхвов и об избииении младенцев
20. О чудесах и страстях Христовых
21. Об Иосифе, похоронившем Христа
22. Об апостоле Иакове
23. О Воскресении Христа
24. О Вознесении Христа и гибели Пилата и Ирода
25. О страданиях апостолов и о Нероне (68)
26. Об Иакове Марке и евангелисте Иоанне
27. О гонениях на христиан при Траяне (97—117)
28. Об Адриане, и о происках еретиков, и о мученической смерти святого Поликарпа и Иустина (Юстина) (117—161)
29. О святом Фотине, Иринее и других мучениках лионских

30. О семи мужах, посланных в Галлию проповедовать
31. О храме в Бурже
32. О Хроке и храме в Клермоне
33. О мучениках клермонских
34. О святом мученике Привате
35. О Квирине, епископе и мученике
36. О рождении святого Мартина и обретении креста (317)
37. О епископе Иакове из Нисибины
38. О преставлении святого Антония
39. О появлении в Галлии святого Мартина
40. О матроне Мелании
41. О гибели императора Валента (378)
42. О правлении Феодосия (379—395)
43. О гибели тирана Максима (388)
44. Об Урбике (Орбике), епископе Клермона
45. О святом Иллидии, епископе
46. О епископах Непоциане и Артемии
47. О целомудрии любящих

48. О преставлении святого Мартина (397)

Намереваясь описать войны правителей против враждебных народов, мучеников с язычниками и церковью против еретиков, сначала я должен прояснить свое собственное отношение к вере, чтобы тот, кому доведется читать мои сочинения, не усомнился в том, что я являюсь католиком (во времена Григория слово *catholicus* означало «сторонник учения, признанного вселенскими соборами» – т. е. православный («ортодокс»). – Ред.).

Ради спасения тех, которые начинают терять надежду, страшась конца мира, я также думаю, что будет весьма кстати рассказать о начале нашего мира на основании материалов, собранных из хроник и историй ранних авторов.

Прежде чем я все же сделаю это, я должен извиниться перед своими читателями за свой слог и манеру письма, которые далеки от совершенства, ибо я не слишком силен в подобных вещах. Без всяких колебаний и сомнений я стану твердо следовать установлениям святой церкви, ибо знаю, что впавший в грех получит прощение Господа благодаря чистоте своей веры.

Итак, я верую во всемогущего Бога Отца. Верую во единого Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего, рожденного от Отца, но не сотворенного, и что Он всегда был с Отцом, не во времени, но до всякого начала времен. Ибо Господа нельзя было бы назвать Отцом, если бы у него не было Сына, равно как и Христос не был бы Сыном, если бы у него не было Отца.

Тех же, кто говорит: «Было, когда Его не было», я с проклятием отвергаю и отлучаю от церкви. Верую, что Христос есть слово Божие, которым все стало. Верую, что это слово стало плотью и страданием искупило мир, и верую, что страдал в нем человек, а не Бог. Верую, что Христос воскрес в третий день, спас грешного человека, вознесся на небо, воссел одесную Отца и грядет судить живых и мертвых. Верую, что Святой Дух исходит от Отца и Сына и не как меньший и якобы прежде них не бывший, но как равный и вечно с Отцом и Сыном, столь же вечный Бог, единосущный по природе и равный по всемогуществу, как и они, вечен сущностью и что Он никогда не был без Отца или без Сына и не был меньше Отца или Сына. Верую, что эта Святая троица существует в различии лиц: и одно лицо – Отец, другое – Сын и другое – Дух Святой. Исповедую, что эта Троица есть единое божество, сила и сущность.

Верую, что святая Мария была девой как до рождения, так и после рождения (Христа). Верую, что душа бессмертна, однако она не есть часть божества. Твердо верую во все то, что было установлено 318 епископами в Никее.[9 - В 325 г. н. э. в Никее (совр. Изник, Турция, Малая Азия) заседал первый Вселенский собор епископов христианской церкви Римской империи, созванный императором Константином. Собор объявил арианство ересью и выработал так называемый символ веры, где было кратко сформулировано вероучение ортодоксальной (православной) христианской церкви, обязательное для всех христиан.]

Что касается конца света, то я верю, что перед ним, как пишут ушедшие, придет Антихрист. Сначала он введет обрезание, утверждая, что он Христос. Затем в храме Иерусалима он установит свой образ, чтобы ему поклонялись, поскольку у Господа читаем: «И увидите мерзость запустения, стоящую на месте святом» (Мф., 24: 15). Но день сей – для всех людей тайна, как и сам Господь свидетельствует: «О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец» (Мк., 13: 32).

Еретикам, которые заявляют, что Сын не может быть нашим отцом, потому что Ему неизвестен день своего рождения, мы отвечаем, что Сын обозначает христиан. О Нем Господь сказал: «И буду им Отцом, и они будут Мне сынами» (2 Кор., 6: 18). Если Господь говорит так о своем единственном рожденном Сыне, Он не назвал бы перед ним ангелов, а Он говорит: «Ни ангелы на небе, ни сын», показывая, что он говорит это не только о своем единственном рожденном сыне, но о всех усыновленных народах. Сам Христос – это наша цель, поскольку в полноте Его милости даст нам вечную жизнь, если мы обратимся к Нему.

В Хрониках Евсевия Кесарийского и Иеронима пресвитера ясно объясняется, как исчисляется возраст этого мира и выстраивается систематическая последовательность лет. Орозий тщательно изучил эти проблемы и составил список всех лет, с начала мира до своего собственного времени. То же самое проделал и Викторий, рассмотрев время празднования Пасхи.

С Божией помощью я последую примеру этих авторов, подсчитывая все лета от создания человека до моего собственного времени, легче всего будет, если я начну с самого Адама.

1. Вначале Господь создал землю во Христе Своем, который Сын Его и основа всего сущего. Когда были созданы первоначала мира, Он взял ком мягкой глины и вылепил человека по Своему образу и подобию и вдунул ему дыхание жизни, так что стал человек «душою живою».

Когда человек спал, из него Бог взял ребро, из которого была создана женщина по имени Ева. Не приходится сомневаться в том, что до грехопадения этот первый человек Адам был схож с нашим Господом и Спасителем. Почив во время своих страстей, Христос из своего бока «воду и кровь источил», создав церковь, чистую и безупречную, обретенную из Его крови и омытую водой «без пятна и порока» (Еф., 5: 27).

Адам и Ева, первые человеческие существа, жили счастливо среди радостей Рая. Затем, соблазненные лукавым змеем, они преступили божественные предписания и были изгнаны из обители ангелов, обреченные жить в мире с его страданиями.

2. Познав своего мужа, Ева зачала и родила двух сыновей. Когда Господь милостиво принял жертву, предложенную одним из них (Авелем. – Ред.), другой (Каин. – Ред.) воспылил завистью и преисполнился гневом. Он оказался первым убийцей, поскольку напал на своего брата, победил его и умертвил.

3. С того времени в дальнейшем весь человеческий род не переставал совершать одно отвратительное преступление за другим, кроме Еноха-праведника, который ходил с мыслью о Господе. Благодаря своему праведному образу жизни он был взят на небо самим Господом и избавлен от множества греховных людей. «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Быт., 5: 25).

4. И разъярился Господь, видя нечистоту людей, которые не следовали по пути Его. Он наслал потоп, смыв всех живущих с поверхности земли. В ковчеге Господь спас только Ноя, верного Ему и близкого Ему по образу, вместе с женой Ноя, тремя сыновьями и их женами ради сохранения рода людского в будущем.

В этом месте на нас нападают еретики, спрашивая, почему в Святом Писании говорится, что Бог разгневался. Им бы следовало понять, что Господь не выказал гнев, как обычный человек. Господь гневается, чтобы наполнить нас благоговейным ужасом. Он ведет нас вперед, чтобы затем, исправив, призвать к себе. Он настолько разъяряется, что может изменить нас. Я не сомневаюсь в том, что Ковчег – это образ матери-церк ви, которая движется вперед по волнам и между скалами жизни, защищая нас в своем материнском лоне от всего зла, которое угрожает нам, благостно храня нас и защищая.

От Адама до Ноя было десять поколений: Адам, Сиф, Енос, Каинан, Малелеил, Иаред, Енох, Мафусаил, Ламех и Ной (1 Пар., 1—3). Две тысячи двести сорок два года включают эти десять поколений (редактор насчитал 2006 лет от рождения Адама до смерти Ноя). Адама же похоронили в земле Енаким, которая раньше называлась Хевроном, как ясно объяснено в Книге Иисуса Навина (Нав., 14: 15).

5. После потопа у Ноя было (родились раньше. – Ред.) три сына – Сим, Хам и Иафет. От них и произошли все народы. Как рассказывается в древней истории, расы людей распространились под небесами благодаря этим людям. Первым ребенком Хама был Хуш: по наущению дьявола он стал первым, кто установил идола, которому стал поклоняться, кто с помощью ложной власти открыл людям звезды и огонь, падавший с неба. Он ушел и стал жить среди персов (иранцев. – Ред.), которые называли его Зороастром (Заратуштрой), что означает «живая звезда»[10 - Григорий основывается на ложной, но оригинальной этимологии греческого имени Зороастр, которое происходит от иранского Заратуштра.]. Они унаследовали от него привычку поклоняться огню и, когда он сам был уничтожен небесным огнем, стали поклоняться ему как богу.

6. По мере того как люди размножались и начали распространяться по всей земле, они мигрировали с востока и обнаружили травянистую равнину Сеннар. Там они построили города и предприняли огромные усилия, чтобы построить башню, которая должна была достичь неба. Господь внес смятение в их умы, разрушил планы и, наделив каждого человека Своим языком, разбросал затем их по всей земле.

Имя того города был Вавилон, что значит смещение, ибо Господь смешал здесь языки. Вавилон построил великан Хеврон, сын Хуша[11 - Хевроном ошибочно

назван Нимрод, см.: Быт., 10: 8—10.]. Орозий рассказывает, что этот город выстроили в форме квадрата на совершенно плоской равнине. Его стены построили из обожженного кирпича, и были они двести локтей высотой. Расстояние вокруг стен было четыреста стадиев, и каждый стадий составлял примерно шестьсот двадцать пять футов. С каждой стороны устроили двадцать пять ворот, что в целом составило сто. Створки этих ворот были сделаны из бронзы. Орозий рассказал множество других вещей об этом городе, завершив следующими словами: «Хотя это и было столь мощное укрепление, тем не менее его захватили и сровняли с землей».

7. Первого сына Ноя звали Сим, и от него, в десятом поколении, родился Авраам. Линия потомков Сима выглядит следующим образом: Ной, Сим, Арфаксад, Сала, Евер, Фалек, Рагав, Серух и Фарра, который был отцом Авраама. Эти 10 поколений насчитывают 942 года.

В то время правителем был Нин, который выстроил город Нина, названный Ниневией, пророк Иона говорит, что для его пересечения требовалось порядка трех дней пути (Ион., 3: 3).

Авраам родился на сорок третий год правления Нина. Именно Авраам стоит у истоков нашей веры. Именно ему было дано обетование: Христос, наш Господь, заменив жертву его, показал ему будущее Свое рождение и что Он пострадает за нас на жертвенном месте. Как говорится в Евангелии: «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался» (Ин., 8: 56). Север пишет в своей хронике, что Авраам приносил жертву на горе Голгофе, где был распят наш Господь Иисус Христос, и до наших дней таковым считается место, расположенное в городе Иерусалиме. Там на этой горе стоял Святой Крест, к которому был пригвожден наш Спаситель и по которому текла Его святая кровь. Авраам принял знак, указывающий, что то, что он носит на своем теле – то, что мы должны носить в своем сердце: «Обрежьте себя для Господа и снимите крайнюю плоть с сердца вашего...» (Иер., 4: 4). Дальше он говорит: «И не ходите вслед иных богов, чтобы служить им» (Иер., 35: 15). И еще: «Никакой сын чужой, необрезанный сердцем и необре занный плотью, не входит в святилище Мое» (Иез., 44: 9). Потом, добавив слог к имени Аврама, Господь назвал его Авраамом, что значит «отец множества народов» (Быт., 17: 5).

8. Когда Аврааму исполнилось сто лет, он стал отцом Исаака. Когда же самому Исааку было шестьдесят, его жена Ребекка родила ему близнецов. Первого родившегося звали Исав, также известный как Едом (Эдом), который продал из жадности свое первородство. Он является предком идумеев, и от его линии родился в четвертом поколении Иовав. От идумеев до Иовава жили: Исав, Рагуел, Зерах, Иовав, или Иов.

Иов жил двести сорок восемь лет. На восьмидесятый год он оправился от болезни и потом прожил еще сто шестьдесят (ошибка автора – в Книге Иова 140 лет), и все богатство его приумножилось, и он был благословен тем же количеством сыновей, как те, что он потерял (Иов., 42: 16).

9. После Исава и Исаака родился Иаков, возлюбленный Господом, – он говорит устами пророка: «И однако же, Я возлюбил Иакова, а Исава возненавидел» (Мал., 1: 2—3). После того как он боролся с ангелом, его назвали Израилем (согласно Библии, он боролся с Богом, отсюда и имя Израиль – «боровшийся с богом». – Ред.), и от него свое имя взял народ израильский (Быт., 32: 24—28). Он стал отцом двенадцати патриархов. Их имена следующие: Рувим, Симеон, Левий, Иуда, Иссахар, Завулон (эти шестеро – от Лии),

Дан, (Неффалим) (эти двое от Валлы), Иосиф, Вениамин, Гад и Асир (последние от служанки Зелфы).

На девяносто втором году своей жизни он стал отцом Иосифа, его матерью была Рахиль (Быт., 30: 22—24). Иаков возлюбил Иосифа больше, чем остальных детей. От Рахили у Иакова также родился Вениамин, последний из его детей (Быт., 35: 18).[12 - В своем тексте Григорий опустил Неффалима, который, как и Дан, от Валлы (наложницы и служанки).]

Иосифу было шестнадцать, когда он, провидя образ Спасителя, увидел сон, о котором рассказал своим братьям: однажды, когда он вязал снопы, ему показалось, что снопы братьев поклонились ему, в другой раз видел, как солнце и луна вместе с двенадцатью звездами поверглись ниц перед ним. И все это заставляло его братьев ненавидеть его. В результате они не смогли сдержать своей ревности (Быт., 37: 5—8) и продали его за тридцать (за 20 – Быт., 37: 28) сребреников неким измаильтянам, которые шли в Египет.

Позже случилась засуха, и сами братья отправились в Египет. Иосиф узнал их, но они не знали, кто он был. Только после того, как они претерпели множество изнурительных испытаний и были вынуждены отправить Вениамина, рожденного матерью Иосифа Рахилью, и когда Вениамин добрался до Иосифа, он открылся им.

После всего этого израильтяне направились в Египет, где, благодаря Иосифу, находились под покровительством фараона. Благословя своих сыновей, Иаков умер в Египте. Иосиф похоронил Иакова в Ханаане в усыпальнице отца – Исаака. Иосиф и фараон умерли в свое время, все племя израильтян попало в рабство (Исх., 1: 6—14). Их освободил Моисей после десяти казней египетских, фараон же утонул в Черном (Красном) море.

10. Так много написано о переходе через море, что я подумал, что было бы неплохо включить в эту книгу небольшое описание самого места и рассказ о том, как его переходили (Исход, начиная с главы 14). Как вам прекрасно известно, Нил течет через Египет и орошает землю своими водами, поэтому египтян называют «те, кто живет на Ниле». Многие из посещавших эти земли путешественников рассказывают, что на берегах Нила расположено много святых храмов.

За рекой расположен город Вавилон[13 - Вавилон, в данном случае крепость в Нижнем Египте, расположен напротив пирамид.], но не тот Вавилон, который я уже описывал, а тот, где Иосиф построил хранилища удивительной работы, сделанные из квадратных камней и укрепленные цементом[14 - Григорий принял за хранилища пирамиды.]. Они устроены таким образом, что широкие в основании сужаются к вершине, так что зерно может ссыпаться в них через небольшое отверстие. Их можно увидеть и сегодня.

Именно из этого города фараон начал преследование евреев вместе с отрядом колесниц и большим числом пехоты. Река (рукав Нила с прорытым к Большому Горькому озеру каналом и далее выход в Суэцкий залив. – Ред.), о которой я вам говорил, текла с востока (Григорий перепутал восток и запад. – Ред.) к западному берегу Красного моря. С западной же стороны Красного моря отходит залив, он примерно пятидесяти миль в длину и восемнадцати миль в ширину.

В начале этого залива находился город Клисма (близ совр. города Суэц. – Ред.), выстроенный там не потому, что земля там была плодородной, а потому, что здесь находилась гавань. Приходившие из Индии суда спокойно становились на якорь, потому расположение гавани считалось необычайно удачным, прибывавшие сюда товары затем распределялись по всему Египту.

Итак, евреи направились через пустыню (вдоль канала. – Ред.) к этому озеру и так подошли к морю. Найдя здесь источник, разбили лагерь. Они расположились на этом небольшом пространстве между пустыней и самим морем, как записано: «И скажет фараон о сынах Израилевых: они заблудились в земле сей, заперла их пустыня». И фараон «погнался за сынами Израилевыми» (Исх., 14: 3, 8).

Когда же египтяне подошли ближе, народ обратился к Моисею за помощью. Господь велел ему поднять жезл его и простереть руку над морем, так что оно разделилось, и евреи перешли море посуху. Как говорится в Писании, они с обеих сторон были защищены стеной воды (Исх., 14: 22). Вместе со своим лидером Моисеем евреи прошли по морю (Суэцкий залив) как по суше и вышли на берег, который расположен около горы Синай, но все египтяне утонули.

Как я уже рассказывал вам, многие описывали этот переход. Поскольку я сам не был свидетелем событий и получил информацию от тех людей, которые сами посетили те места, я и счел нужным включить этот рассказ в свою книгу. Очевидцы рассказывают, что колеи от колесниц видны и сегодня и далеко, как только можно узреть, различимы на дне моря.

Когда приливы и отливы моря покрывают их, они чудесным образом обновляются и делаются такими, как прежде, как только вода успокаивается. Некоторые говорят, что израильтяне только сделали небольшой круг в воде и затем вернулись на тот же самый берег, откуда они устремились. Некоторые считают, что все они вошли в воду на том же самом месте, но другие полагают, что для каждого племени открывался отдельный путь.

Последние неверно истолковывают заявление в Псалтири: «разделил Черное море» (Пс., 135: 13). «Части» следует понимать иносказательно, не следуя буквально за текстом. Заметим, что в нашем земном существовании то, что называют морем, подобно реке, в которую нельзя войти дважды, ведь мы не можем всю жизнь ходить по одному и тому же пути, по одной и той же дороге.

Итак, некоторые прошли в самом начале, в первые часы, среди них оказались те, кто возродился вновь через крещение, и таким образом очистили себя от всякой оскверненной плоти и духа, пока не достигли конца своей жизни здесь внизу (2 Кор., 7: 1). Те, кто обратились в более поздний период, проходили в третий час. Те, кто обуздывали свою похоть, проходили в шестой час. Как говорят евангелисты, в один или другой из этих часов, в соответствии с силой своей веры, они нанимались работать в виноградники Господа. Таковы «части», через которые мы проходили через это море.

В качестве доказательства того факта, что, достигнув моря, они поворачивали назад и шли вдоль берега русла реки, можно привести слова Господа, сказанные им Моисею: «Чтобы они обратились и расположились станом пред Пи-Гахирофом, между Мигдолом и между морем, пред Ваал-Цефеном» (Исх., 14: 2). Совершенно очевидно, что подобное пересечение моря и столб пыли являются символами нашего крещения. Святой апостол Павел говорит: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море» (1 Кор., 10: 1). Столб огня является символом Святого Духа.

Четыреста и шестьдесят два года отсчитывают от рождения Авраама до исхода сынов Израилевых из Египта и прохода Красного моря, которые случились на восьмидесятый год жизни Моисея.

11. В течение сорока лет после этого израильтяне обитали в пустыне, где познакомились с законами и питались ангельской пищей. Как только они усвоили Закон, они пересекли Иордан вместе с Иисусом Навином и получили разрешение войти в Землю обетованную (Ханаан, позже Палестина, на территории которой позже выделялись Иудея, Израиль, Самария. – Ред.).

12. После смерти Иисуса Навина евреи перестали соблюдать заповеди Господа и их часто покоряли другие народы. Горестно стелая, они раскаялись в своих грехах, и Господь велел им освободиться, используя могущество сильных людей. Так и произошло с помощью Саула, которого они попросили стать своим господином, царем, как уже было у других народов. За Саулом стал править Давид.

От Авраама до Давида было четырнадцать поколений: Авраам, Исаак, Иаков, Иуда, Фарес, Есром, Арам, Аминадав, Наассон, Салмон, Вооз, Овид, Иессей и Давид (1 Пар., 2: 3—15). Давид стал отцом Соломона, рожденного от Вирсавии (1 Пар., 3: 5). Благодаря усилиям своего брата пророка Нафана и матери Вирсавии Соломон был возведен на трон (3 Цар., 1: 12—39).

13. Когда же Давид умер и сын его Соломон начал править, ему явился Господь и пообещал отдать то, что тот захочет. Соломон отверг земные богатства и попросил наделить его только мудростью. Господь даровал ему это, и Соломон услышал, как он говорит: «За то, что просил этого и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, – вот, Я сделаю по слову твоему. Вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе» (3 Цар., 3: 11—12).

Вспомним суд Соломона, когда ему пришлось разобраться с двумя женщинами, которые судились ради ребенка (3 Цар., 3: 16—28).

Именно Соломон во имя Господа построил храм, прекрасно отделанный золотом и серебром, бронзой и железом, так что те, кто его видел, говорили, что нигде в мире нет похожего здания (3 Цар., 6 и далее).

В 3-й книге Царств говорится, что от исхода сыновей Израилевых из Египта до строительства храма, которое произошло на седьмой год правления Соломона, прошло двести восемьдесят лет.

14. После смерти Соломона в результате жестокого правления Ровоама царство распалось на части. Оставшиеся с Ровоамом два колена получили название иудеев. Другие десять колен, принятые под свое правление Иеровоамом, получили название израильских. Позже они вернулись к почитанию идолов. Пророчества и смерть их пророков, разрушение их родной земли, гибель их правителей ожесточили их сердца (3 Цар., 12 и далее).

15. Наконец Господь разгневался и наслал на них Навуходоносора (в 605—562 гг. до н. э. царь Вавилонии, в 586 (или 587) г. до н. э. разрушил Иерусалим и ликвидировал Иудею. – Ред.), который захватил их в плен и отвел в Вавилон, забрав все украшения с храма. Великий пророк Даниил уцелел во рву с львами (Дан., 6: 16—23), и трое иудеев в печи не были опалены (Дан., 3: 15—27). Во время пленения пророчествовал Иезекииль и родился пророк Ездра.

От Давида до разрушения храма и вавилонского пленения прошло четырнадцать поколений: Давид, Соломон, Ровоам, Авия, Аса, Иосафат, Иорам, Озия, Иоафам, Ахаз, Езекия, Манассия, Амон, Иосия.

Жизнь всех поколений вместе охватывает триста девяносто лет[15 - Григорий опустил последних четырех правителей – это были Иоахаз, Елиаким (Иоаким), Исхония и Седекия. Правление Давида и первые семь лет жизни Соломона описаны дважды, хотя они уже перечислены в главе 13.]. Их освободил из плена Зоровавель, позже восстановивший храм и город (Езд., 3). Я считаю, что этот плен – символ порабощения, в которое погружается душа грешника, действительно, такая душа попадает в ужасное изгнание, пока Зоровавель, в данном случае являющийся самим Христом, не освободит ее. Вот что говорит сам Господь в Евангелии: «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин., 8: 36).

Может быть, тогда Он выстроит для себя храм внутри нас, в котором он, может быть, захочет поселиться, где вера станет сиять так же ярко, как и золото, где слово проповедника может сверкать как золото и где все украшения других видимых храмов явно видятся в благочестии наших чувств. Он заботится о наших добрых намерениях, поскольку, «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие их» (Пс., 126: 1). Полагают, что плен продолжался семьдесят шесть лет.

16. Как только израильтяне вернулись обратно домой благодаря Зоровавелю, о чем я уже рассказывал вам, они начали роптать против Бога, вернулись к идолопочитанию и начали совершать отвратительные обряды, подобно неверным язычникам. Как только они стали поносить пророков Господа, так попали под власть неверных, были обращены в рабство и преданы смерти. В конце концов наш Господь, как и говорилось в пророчествах патриархов, вошел в чрево Девы Марии с помощью Святого Духа и снова возродился ради искупления грехов израильтян и всех других народов.

С начала пленения до рождения Христа насчитывается четырнадцать поколений: Иехония, Салафииль, Зоровавель, Авиуд, Елиаким, Азор, Садок, Ахим, Елиуд, Елеазар, Матфан, Иаков и Иосиф, муж Марии, от которого и родился наш Господь Иисус (Мф., 1: 12—16). Иосиф четырнадцатый из них.[16 - Иосиф - тринадцатый; возможно, называя его четырнадцатым, Григорий ведет свой отсчет от Иисуса.]

17. Теперь я расскажу о других царствах, существовавших во времена израильтян, что они собой представляли и какие люди населяли их. Во времена Авраама ассирийцами правил Нин[17 - Согласно современным археологическим свидетельствам, Авраам существовал на самом деле, действительно жил в XIX—XX вв. до н. э. Приблизительную дату жизни Нина, мифологического основателя Ниневии, определяют 800 г. до н. э.], а Европ являлся правителем города Сикиона[18 - Находится всего в нескольких милях от Коринфа.]. Египтянами правила шестнадцатая династия царей, или, на их языке, фараонов[19 - Слово «династия» греческого происхождения, но не египетского. Шестнадцатая династия называлась «гиксосской», или «династией пастухов».]. В те времена аргивянами правил Троп, а Кекроп стал первым царем в Аттике. Утонувший в Красном море Хендрис был двенадцатым царем египтян.

Агатад был шестнадцатым правителем ассирийцев, а сиционянами правил Мараф. В те времена Соломон правил Израилем, Сильвий был пятым правителем Лациума, Фест правил лакедемонянами, Оксион был вторым правителем коринфян и Фебей сто двадцатым правителем египтян. Евтроп управлял ассирийцами, и Агасаст был вторым правителем афинцев. В те времена, когда Амон правил иудеями и когда началось вавилонское пленение, Аргей был царем македонян, Гигес - у лидийцев и Вафр у египтян. Навуходоносор, уведший израильтян в рабство, правил в Вавилоне[20 - Навуходоносор правил в Вавилонии с 605 по 562 г. до н. э.], и Серв стал шестым правителем римлян.[21 - Сервий Туллий, шестой царь римлян, правил, согласно традиционной точке зрения, с 578 по 535 г. до н. э.]

18. После всех этих событий Юлий Цезарь оказался первым императором, получившим право управления всей империей[22 - Формально Юлий Цезарь не был императором.]. Вторым стал Октавиан, племянник Юрия Цезаря, известный как Август, в честь которого месяц и получил свое имя. На девятнадцатый год

его правления основали Лион, город, находившийся в Галлии, о чем мы уже сообщали[23 - Лион был основан в 43 г. до н. э. Луцием Манацием Планком, одним из военачальников Юлия Цезаря, как Копиа Лугдунум - на горе, расположенной над слиянием рек Роны и Соны. В 43 г. Августу, тогда звавшемуся Октавианом, было двадцать.]. Позже город стал известным благодаря крови, пролитой здесь мучениками, и он носит самое благородное имя.[24 - В 177 г. до н. э. христианское сообщество Лиона преследовалось императором Марком Аврелием, в 197 г. н. э. город сожгли, и большую часть его уничтожил император Септимий Север. Григорий вновь возвращается к данной теме в 29-й главе своей «Истории».]

19. На сорок четвертый год правления Августа наш Господь Иисус Христос, как я уже говорил, родился в чреве Девы Марии в Вифлееме, в городе Давида. Мудрецы увидели его огромную звезду на Востоке и пришли с дарами. Склонившись перед ребенком, они одарили его.

Ирод опасался за судьбу своего царства и велел истребить всех маленьких детей, пытаясь уничтожить и Христа, нашего Бога (Мф., 2: 1—16). Позже его самого постигла кара Божья.

20. Иисус Христос, наш Господь и Властелин, призывал к покаянию, даровал нас Своей милостью крещения, пообещав небесное царство всем народам, представив знамения и совершив чудеса у разных народов. Он превратил воду в вино, излечивал лихорадки, давал зрение незрячим, возвращал жизнь тем, кто похоронен, освобождал тех, кто был одержим злыми духами, и излечивал прокаженных, пораженных кожными заболеваниями.

Пока Он совершал эти и многие другие чудеса, стараясь так доказать окружающим, что действительно является Богом по сути, евреи пришли в ярость и начали Его ненавидеть. Их сознание, подпитывавшееся кровью пророков, теперь направлялось на то, чтобы уничтожить праведное. Таким образом, чтобы сбылись предсказания древних пророков, Его должен был предать один из его учеников.

Его несправедливо осудили первосвященники (и весь синедрион), он подвергся осмеянию со стороны евреев, был распят вместе с преступниками. Когда Его Дух

покидал Его тело, за этим наблюдали только воины. После того как все его земные деяния завершились, на мир пала тьма, и тогда, горько стоная, признали, что Иисус являлся Сыном Господа.

21. Иосифа, снявшего Иисуса с креста, умастившего его тело благовониями и похоронившего, арестовали и заключили в темницу[25 - Об Иосифе из Аримафеи см. у Мф., 27: 57—60.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Григорий рассказывает, что родился в День святого Андрея. Он сообщает также о том, как мать пришла в Тур после его посвящения и была исцелена святым Мартином от мышечных болей, которые беспокоили ее тридцать четыре года, начиная со дня его рождения.

2

Григорий приводит очаровательное описание самого себя и церковного служителя, обследующих с зажженной свечкой усыпальницы в церкви Святого Мартина.

3

Предшественники Григория в Туре непрерывно строили: Евфроний выстроил четыре церкви, Бавдин две, Перпетуй семь. Если взять в качестве примера другой период, то окажется, что между 1050 и 1350 гг. только во Франции выстроили 80 соборов, 500 больших церквей и десятки тысяч сельских церквей.

4

Известно, что в 573 г., всего за два месяца до своего посвящения, он серьезно заболел дизентерией и почти отчаялся, думая, что умрет. Тогда Григорий прибег к своему любимому лекарству, *potio de pulvere sepulchi*, изготовленному из настоя пыли, взятой с гробницы святого Мартина, и когда он его выпил, то тотчас поправился.

5

Обширно, обильно. (Примеч. пер.)

6

Исключительной книгой, где сам автор не менее интересен, чем те великие люди, которые появляются на сцене (фр.).

7

Вестготы – представители западной ветви готов – германского племени, происходившего с о. Готланд, затем со II в. переселившегося в Северное Причерноморье, откуда после разгрома в 375 г. гуннами началась новая история готов, приведшая вестготов через победу при Адрианополе в 378 г. и захват в 410 г. Рима в Южную Галлию и Испанию. (Примеч. ред.)

8

Gregoire de Tours. Histoire des Francs / Trad. du latin par R. Latouche. P., 1963. Т. 1. Introduc. P. 5.

9

В 325 г. н. э. в Никее (совр. Изник, Турция, Малая Азия) заседал первый Вселенский собор епископов христианской церкви Римской империи, созванный императором Константином. Собор объявил арианство ересью и выработал так называемый символ веры, где было кратко сформулировано вероучение ортодоксальной (православной) христианской церкви, обязательное для всех христиан.

10

Григорий основывается на ложной, но оригинальной этимологии греческого имени Зороастр, которое происходит от иранского Заратуштра.

11

Хевроном ошибочно назван Нимрод, см.: Быт., 10: 8—10.

12

В своем тексте Григорий опустил Неффалима, который, как и Дан, от Валлы (наложницы и служанки).

13

Вавилон, в данном случае крепость в Нижнем Египте, расположен напротив пирамид.

14

Григорий принял за хранилища пирамиды.

15

Григорий опустил последних четырех правителей – это были Иоахаз, Елиаким (Иоаким), Исхония и Седекия. Правление Давида и первые семь лет жизни Соломона описаны дважды, хотя они уже перечислены в главе 13.

16

Иосиф – тринадцатый; возможно, называя его четырнадцатым, Григорий ведет свой отсчет от Иисуса.

17

Согласно современным археологическим свидетельствам, Авраам существовал на самом деле, действительно жил в XIX—XX вв. до н. э. Приблизительную дату жизни Нина, мифологического основателя Ниневии, определяют 800 г. до н. э.

18

Находится всего в нескольких милях от Коринфа.

19

Слово «династия» греческого происхождения, но не египетского. Шестнадцатая династия называлась «гиксосской», или «династией пастухов».

20

Навуходоносор правил в Вавилонии с 605 по 562 г. до н. э.

21

Сервий Туллий, шестой царь римлян, правил, согласно традиционной точке зрения, с 578 по 535 г. до н. э.

22

Формально Юлий Цезарь не был императором.

23

Лион был основан в 43 г. до н. э. Луцием Манацием Планком, одним из военачальников Юлия Цезаря, как Копиа Лугдунум – на горе, расположенной над слиянием рек Роны и Соны. В 43 г. Августу, тогда звавшемуся Октавианом, было двадцать.

24

В 177 г. до н. э. христианское сообщество Лиона преследовалось императором Марком Аврелием, в 197 г. н. э. город сожгли, и большую часть его уничтожил император Септимий Север. Григорий вновь возвращается к данной теме в 29-й главе своей «Истории».

25

Об Иосифе из Аримафеи см. у Мф., 27: 57—60.

Купити: https://tellnovel.com/turskiy_grigoriy/istoriya-frankov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)